

A close-up portrait of a young woman with dark hair styled in two buns, looking directly at the camera with a slight smile. She has bright red lipstick and is wearing a white ribbed top with thin straps. The background is a plain, light-colored wall.

Ольга Брюс

Одноклеточная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Брюс
Одноклеточная

«Автор»

2023

Брюс О.

Одноклеточная / О. Брюс — «Автор», 2023

Наталья узнала, что её подруга является ей сестрой, и они обе влюблены в одного и того же парня. К великому изумлению, Сергей выбрал обеих, но Наталья не захотела мириться с его выбором.

© Брюс О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	31
Глава 5	48
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ольга Брюс

Одноклеточная

Глава 1

Олеся стояла перед зеркалом, открыв рот. Её правая рука плавно приподнималась и опускалась на уровне лица. Зелёные глаза смотрели прямо перед собой, еле заметно двигаясь за чёрной щёткой.

– Опять на гулянки? – в комнату без стука вошла женщина тридцати трёх лет и бросила на постель глаженное бельё. – Ты бы лучше к экзаменам готовилась.

– Ой, мам, отстань, – нечаянно моргнув, Олеся бросила щётку в зеркальное стекло. – Ну вот, опять ты всё испортила! Из-за тебя тушь размазалась!

– Завтра отец с заработков возвращается. Надо бы подготовиться, – разглядывая модный макияж дочери, Людмила взялась за дверную ручку. – Полы бы помыла, что ли...

– Он твой муж, вот ты и готовься, а я ещё успею за свою жизнь тряпкой помахать, – с презрением посмотрела на мать через зеркало.

– Бессовестная, – полушёпотом сказала Люда, обидевшись на дерзкое поведение дочери. Закрыв за собой дверь, ушла подметать пол.

– Какой родила, – вновь съязвила Олеся, подтирая кляксу под глазом ватным тампоном. – Ну вот, готово!

Сделав шаг назад, девушка окинула быстрым взглядом свой вызывающий внешний вид. Короткий топик металлического цвета переливался под вечерним светом, обтягивая выпуклости и привлекая внимание к глубокому декольте. Ярко-красная юбка, с акцентом в виде широкого белого ремня, так и призывала опустить глаза ниже и оценить округлости, уходящие в шикарные ноги. Нацепив пару браслетов из слоновой кости, Олеся подняла серьги-кольца со столика и примерила, приложив к мочке уха.

– Что-то не то, – поморщила курносый носик и открыла коробочку из-под духов. Брызнула на шею, запястья и, оглядевшись, приподняла юбку.

– А вот и я! – раздалось позади.

Олеся вытянулась от испуга и повернула голову набок.

– Тьфу, дура! Напугала! – поставила флакон «Лаванда» на край трюмо. – Чего орёшь, как потерпевшая?

– А что ты делаешь? – подруга Галя взяла с кресла декоративную подушку, вышитую тётей Людой, и уселась на деревянный подлокотник.

– Тебя жду, – Олеся нервничала. Демонстративно посмотрела на часы, висевшие над письменным столом. – Чего так долго?

– Биологию читала, – помахивая ножкой и обнимая подушку, ответила Галя. – Экзамены же скоро.

– Фи, – продевая сквозь мочку уха огромного размера серьгу, Олеся усмехнулась. – Глупая, тебе эта биология в жизни не пригодится.

– А мне нравится, – уткнув подбородок в подушку, Галя продолжала улыбаться. – Я же в сельскохозяйственный хочу поступить.

– И где связь?

– Да и на ветеринара хочется.

– Хочешь всю жизнь прозябать в этой дыре? – закончив с серьгами, Олеся подняла с пола чёрную сумочку и устала на подругу. – И ты в этом пойдёшь?

– А что? – Галя встала, покрутилась и растерянно пожалала плечами.

– Да на тебя ни один парень не взглянет! – захихикала Олеся, подойдя ближе. – Что это за нанайские напевы?

Потянув за длинную юбку, резко отпустила. Резинка неприятно ударила по животу подруги.

– Зачем так колхозиться? – не переставала издеваться над Галей. – А-ля «я у мамы дурочка»!

– Нормальная юбка, – возразила Галя, положив подушку на место. – Это ты у нас в поисках жениха приезжего, а мне он не нужен.

– Конечно, не нужен! Кто ж на тебя посмотрит?! – Олеся неприлично хохотала. – Пошли, дурёха, а-то всех ребят разберут!

– А сумка зачем?

– Секрет! – Олеся подняла руку вверх и опустила.

– Олесенька, только не поздно! – крикнула из кухни мама.

– Ага! – ответила дочь, открывая дверь в сени. Выпустила подругу и прошептала. – Это тебе уже поздно, а у меня вся жизнь впереди.

Галине стало обидно за тётю Люду. Выходя на улицу, придирчиво спросила:

– Вот зачем ты так с ней? Она у тебя такая добрая...

– Ага, добрая, – Олеся повесила сумку на плечо, погладила юбку сверху-вниз и с гордостью сказала. – Отец её ни во что не ставит, а она прыгает перед ним на задних лапках и в рот заглядывает. Тьфу, смотреть противно.

Брезгливо фыркнула, взяла подругу под руку и повела веселиться.

– А мне её жалко, – у Гали сердце сжалось.

– Ну, и жалей себе на здоровье, а меня не привлекай, – девушка шла вальяжным шагом, задрав подбородок кверху. – Я никогда не буду такой, как она. Терпеть не могу эту тряпку.

– Ой, – опешила Галя, услышав оскорбительное слово в адрес милой женщины. – Не понимаю, как тебе её не жалко? Она же твоя мама...

– И что? Вот у тебя мать – всем матерям мать. Уехала в город, работает. Бабки тебе присылает. А моя? Если бы любила, то мы бы давно переехали, а эта всё испоганила. Впрочем, как всегда.

– Ты хочешь уехать?

– Естественно. Что я здесь забыла? Ты только посмотри, – показала рукой на деревенские домики, стоящие вдоль дороги. – Что это? Одни развалюхи. Бабки-дедки... Никакой цивилизации.

– А мне у нас нравится, – окинув местность ласковым взглядом, Галя улыбнулась и глубоко вздохнула. – Нет ничего лучше нашего Грязино.

– Пф-ф-ф, – Олеся чуть не рассмеялась. – А название какое, ты только послушай: «Гр-р-р-азино». Бр-р, гадость какая, – произнесла с отвращением. – Не могли другое придумать? Деревня Красивое, например.

– Какая разница? Мы здесь родились, выросли. Вот, школу заканчиваем, – Галя говорила с такой нежностью о своей Родине, чем и взбесила подругу.

– Ну и глупая же ты! – Олеся остановилась и выдернула руку. – Здесь никакой перспективы, понимаешь? – нервно открыла сумочку, достала пачку сигарет. – Я не собираюсь до конца жизни в огороде копать и навоз таскать! – вложила в губы сигарету и чиркнула зажигалкой.

– Ого! Ты куришь? – Гале стало неприятно.

– И что? Воспитывать будешь? Нет уж, спасибо, – с удовольствием затянулась и выдохнула вверх струйку серого дыма. – Сейчас это модно.

Вновь взяла Галю под руку и повела в клуб. Издалека звучала громкая музыка. Смех местной молодёжи раздавался на всю округу. Мальчишки и девчонки радовались, отрывались

на всю катушку, что называется. Танцевали, курили, выпивали деревенскую самодельную разливуху, шутили и обсуждали планы на майские праздники.

– Смотри, – замедлив шаг, Олеся прильнула к подруге. – Опять эти прикатили.

– Кто? – Галина уставилась на толпу с прищуром.

– Московские. Это ж они прошлым летом приезжали? – у Олеся бешено застучало сердце.

– Не знаю...

– Вон-вон, вон он, – незаметно выбросив окурочек, Олеся выпятила шикарную грудь вперёд и расправила плечи. – Сейчас подойдём к нашим... Я встану рядом с ним, а ты не крутись под ногами, поняла?

– Поняла, – Гале стало не по себе. Подруга решила бросить её, что ли?

– Главное, поближе познакомиться, а там...

– Что?

– И влюбить в себя.

Девушки подходили всё ближе и ближе. Музыка становилась громче, постукивая басами по голове. Галя не любила шумные компании, никогда не слушала молодёжную попсу и не уважала развязность.

– Может, я домой пойду?

– Я тебе пойду, – больно ущипнула подругу за руку чуть выше локтя. – Бросить меня хочешь? Мы подруги или кто?

– Подруги, – разочарованно выдохнула Галя, переступая цинковыми ногами. Желание вливаться в общественную суматоху испарилось, как только она вспомнила прошлогодний случай, когда Олеся оставила её в кругу пьяных мужиков и исчезла в неизвестном направлении.

С каждым шагом, приближаясь к приезжему красавчику, у Олеся громче и сильнее колотилось сердце.

«Какой же он классный», – глядя прямо в лицо парня, она подошла, встала между крикливой компанией и красным жигули. – Привет.

Поздоровалась со всеми и бесцеремонно повисла на двери машины.

– Привет! – улыбочиво ответил москвич, докуривая сигарету с фильтром.

– Я Олеся, – протянув руку красавчику, обнажила белоснежные зубы и слегка сощурилась.

– Гена, – поздоровался молодой человек, с любопытством рассматривая вульгарную внешность местной барышни. Цыкнув еле слышно, предложил выпить.

– Спасибо, – согласилась Олеся и нырнула спиной на переднее пассажирское, закинула ногу на ногу, оголив мясистые ляжки до тайного безобразия, что стали заметны белые трусики. Искоса поглядывая на подругу-замухрышку, ни с того ни с сего порекомендовала уйти. – Правда, Галь, вся эта тусня тебе не по душе. Ну я же знаю, – показала пальцем на себя. – Иди, а завтра встретимся.

– Олеся, – Гале стало немного обидно: то пойдём вместе, а тут гонит, – может, не надо? – она немного беспокоилась за подругу. – В клуб же собирались...

– А мы сейчас и пойдём! – выглянув из-за крышки багажника, Генка показал пустые стопки и пакет с конфетами. – Вот только хряпнем для веселья и на танцы.

Положил пакет на место и махнул два раза рукой, подзывая новеньких к «столу». Олеся не заставила себя долго ждать. Вышла из салона и встала рядом с Генкой, нагло подхватив его под руку.

– А ты надолго к нам? – заглядывая в глубь багажника, узрела ещё два пакета с фруктами и прикрытый пледом деревянный приклад от ружья. Точного такого же, как и у дяди Макарыча. – А это зачем?

Ткнула пальцем в приклад.

– Много будешь знать – скоро состаришься! – ухмыльнулся Гена, сунув в маникюрные тонкие пальчики стакан с первоклассной водкой. – Пей.

– Воняет, – поморщилась девушка, поднеся стопку к носу.

– А ты её не нюхай, – поддержал местный парнишка по имени Степан. – Олесь, ты как в первый раз! – громко рассмеявшись, нечаянно подтолкнул в бок.

Несколько капель прозрачной жидкости выплеснулись прямо на чёрные туфли и затекли внутрь.

– От этого запаха просто так не избавишься, – сунув стакан подруге, Олеся начала резкими движениями вытирать мысок обуви. – Ни к чему, чтобы от меня ещё и этой дрянью пахло, – сняла туфлю и начала размахивать ей, чтобы выветрить.

– Прошу, – перед глазами Олеси появились сланцы. Мужские чёрные сланцы, похожие на раздавленную стельку из резины. – Размерчик не Ваш, но...

– Спасибо, – поджилки задрожали от джентльменского жеста. Переобувшись, девушка отдала туфли Гене, а тот положил их в багажник. Забрала стакан у Гали и незаметно для всех шепнула ей на ухо:

– Да свалишь ты уже или нет?

– Олеся, что случилось? – недоумевала расстроившаяся Галя. – Могла бы сразу сказать, я же хотела уйти.

– А то ты ничего не заметила, – взяла подругу за руку и отвела в сторону. – Да мы ещё подойти не успели, как он на тебя пялился.

– Кто?

– Генка, – выпив залпом, Олеся зажмурилась от невыносимого привкуса. Тёплая жижа обожгла горло, вызвав раздражение. Олеся закашлялась.

Недолго думая, Галя постучала ей между лопаток.

– Девчонки-и! – к девочкам подошёл Стёпка. Положил руки на их плечи и радостно сказал, – Генка предлагает съездить на озеро. Костёр, музыка...

Галя замахала рукой перед своим лицом. От Стёпы разило омерзительным перегаром.

– Галя уходит, а я поеду, – Олесю развезло от ста грамм.

– Галь, – подтолкнув локтем девушку, Стёпа принялся её уговаривать. – Будет весело. Водочка, музыка, Танцы-обжиманцы, – и с силой прижал к себе Галю.

Взвизгнув, Галина подпрыгнула и случайно дала пощёчину парню.

– Всё! Надоело! – со злостью в глазах посмотрела на подругу и удалилась быстрым шагом, резко размахивая руками.

– За что?

– А она даже не целованная, – икнула Олеся, ухватившись за друга. – Значит, клуб отменяется?

– Угу.

– Тогда поехали на озеро, – запутываясь в огромных шлёпанцах, Олеся поплелась к машине.

Через пятнадцать минут шумная компания мчалась по асфальтированной дороге в сторону озера, озвучивая свою поездку тяжёлой музыкой, которая раздавалась из открытых окон.

– Ну и дура, – подходя к калитке, Галя бубнила ругательства для подруги. – Мало тебе прошлогодней истории, в этом году тоже хочешь опозориться? Юбку она до самой... нацепила, а в голове пусто. Попроси теперь помощи на экзаменах, – вошла во двор, села на лавку и нахохлилась, – вот я тебе помогу, – помахала дулей в воздухе. – Сама будешь за себя отвечать, а с меня хватит. Одни глупости на уме...

Подняла голову к тёмному небу и жалобно произнесла:

– Генка ей нужен, – шмыгнула носом, – а может, он мне тоже нравится...

Обиженная и расстроенная, Галя открыла калитку и посмотрела на окна. В доме горел свет. По всей видимости, бабушка так и не ложилась.

– Странно, – подумала Галя, закрывая калитку на засов, – уже часов двенадцать.

Подходя к двери, услышала разговоры со стороны кухни. Чей-то звонкий голос говорил торопливо и очень настойчиво убеждал кого-то не лезть в чужие дела. Галя прислушалась.

– Это же мама, – прошептала и ринулась в дом.

Скидывая на ходу сандалии, открыла вторую дверь.

– Mamочка! – бросилась обнимать мать, сидящую за столом.

– Да тихо ты, – женщина неохотно обняла дочь и тут же отодвинула от себя. – Дай я на тебя посмотрю.

Мама Гали Наталья была достаточно своенравной особой. Её дотошная привычка сравнивать всех и вся раздражала не только знакомых, но и саму Галину. Свою натуру Наташа никогда не приравнивала к простушкам. Ставила себя на ступень выше остальных, считая свою внешность и ум уникальными. В свои тридцать пять выглядела довольно-таки молодо, если смыть тонну штукатурки с лица. Её вызывающий индейский раскрас бросался в глаза, чем и привлекал мужскую половину человечества, не говоря уже об откровенных нарядах и высоченных каблуках. Из-за вызывающего внешнего вида жительницы деревни прозвали Наташу Павлиничой.

– А ты всё такая же, – сложив губы бантиком, Наталья бегло оценила дурацкую длинную юбку и бледную кожу дочери. – Хотя бы юбочку укоротила и губы подкрасила.

– Зачем это? – Галя присела на стул, с недоумением посмотрев на бабушку.

– Кто ж тебя такую замуж возьмёт? – расхохоталась Наташа.

– Рано ей ещё, – бабуля потрогала чайник, – придёт время, и...

– Ой, да хватит тебе, – махнув рукой на старушку, Наташа закинула ногу на ногу и покрутила мыском туфли. – Если бы я не сделала по-своему, тоже бы сейчас была такой, – намекнула на Галю.

– Если бы ты была поумнее, то дочь жила бы с тобой, а не с бабкой, – огрызнулась бабуля, зажигая конфорку под чайником.

– Если бы ты не лезла, куда тебя не просят, то я бы давно имела собственную квартиру в Москве, – Наташа переменялась в лице. – А теперь сама как белка в колесе. И дочь пришлось здесь оставить.

Показала руками на стены.

– Так и забирай. Я в няньки не нанималась, – у бабушки лопалось терпение. – А то показываешься раз в полгода, а как Галька тут без матери – тебя не волнует. И зачем надо было семью ломать? Игорь такой хороший муж был. Нет же, завертела хвостом, запрыгала, как коза на верёвке.

– Да если бы ты знала, как я с ним намучилась! – вспыхнула Наталья. – Что с него взять? Не мужик, а ... Он же по этому делу вообще не в зуб ногой! До сих пор удивляюсь, как у нас Галька получилась?! Развелась и правильно сделала! Я бабского счастья хочу, а не храпящее тело рядом!

– У-у, – покачала головой бабушка, – с таким желаньем далеко не уедешь. Ты сейчас о дочери думать должна, а не о мужиках. Ты для кого её рожала? Для меня, что ли?

– Куплю квартиру и заберу, – фыркнула Наташа, отвернув голову в окно.

– Ага, так я и поверила, – разочарованно вздохнула старушка. – Уже десять лет катаешься туда-сюда и квартиру покупаешь. А девка без материнской ласки.

Галя сидела между мамой и бабушкой и слушала, о чём они говорят. С одной стороны, в городе интересно: музеи, театры, кино. Очень хочется покататься в метро, посетить городскую библиотеку, зоопарк. Удивительно, но она никогда не была в зоопарке. В то время, когда детей от школы отправляли на экскурсию в Москву, Галина переболела ветрянкой, и поездка

накрылась медным тазом. После возвращения из поездки одноклассники рассказывали Гале об экзотических животных и смешных обезьянах, висящих на верёвках. Галя слушала и глотала слёзы от обиды. И надо было именно сейчас подхватить эту чёртову ветрянку! Почему одноклассники переболели в раннем детстве, а Гале подкинули такой «подарок» в двенадцать лет? Несправедливо.

– Я в зоопарк хочу, – вдруг сказал Галя, прокрутив в голове давнюю мечту. – Очень хочу.

– Чего? – у Наташи отвисла нижняя челюсть. – Какой тебе зоопарк? Ты знаешь, сколько там билет стоит?

– Очень много?

– Дохрена, – усмехнувшись, Наташа откинулась на спинку стула. – Заработай, и будет тебе зоопарк. Я в твои годы в колхозе пахала...

– Помолчи уж, – бабушка искоса посмотрела на непутёвую дочь. – Знаем, как ты пахала, – встала, чтобы выключить конфорку. – Пахала она... До сих пор стыдно людям в глаза смотреть.

– Ты... Ты... – заикаясь, Наталья закрутила головой. – Да что ты такое говоришь?!

Опаньки! Бабка враспloch застала. Дочка рядом сидит, совесть у матери проснулась. Как же, кому охота, чтобы прошлое всплыло, как оно, то самое.

– А что я такого сказала? – бабуля налила внучке чаю и присела рядом с ней. – Нет уж, девку я тебе не отдам, – ласково погладила Галю по руке, – хватит и одной шаболды в нашем роду.

Галя смотрела на маму с удивлением. Что это бабушка говорит? Какой такой шаболды? Никогда не отзывалась о маме в негативном ключе, а сейчас из неё просто прёт поток оскорблений.

– Бабуль, о чём ты? – тихонько спросила старушку, наклонив к ней голову.

– Так! – стукнув ладонью по столу, Наталья вскочила со стула. – Вижу, зря я приехала! – заметалась вокруг стула в поисках вязаной кофточки. – А, вот!

Увидела её висевшей на крючке у двери.

– Чего запрыгала? – бабушка Анфиса не церемонилась с дочерью. – Правда глаза колет?

– Да какая ещё правда? – у Натальи заколотилось сердце от эмоционального напряжения. – Ты бы лучше о себе подумала, а не меня перед дочкой полоскала!

– А что мне думать? – старушка смотрела прямо перед собой и даже не повернула голову. – Дом у меня есть. Огород, корова – голодной не останусь. Пенсия какая-никакая, да и молочко я дачникам продаю... Проживём, ничего с нами не случится. А вот ты, так и будешь по городским мужикам скакать и на дочку плевать. А была бы с головой – сидела бы в деревне, как все нормальные люди, и не прыгала туда-сюда, как вошь на гребешке. Тьфу, срамota!

Стиснув зубы, Наталья открыла ногой дверь и вылетела из дома.

– Mam! – крикнула вдогонку Галя, но мама не ответила.

Побежала на автобусную остановку, сопя и бормоча нехорошие слова о стареющей матери. На часах почти полночь, автобусы уже не ходят. Как добираться до города?

– Остановись! – услышала мотор приближающегося автомобиля. – Стой! – встала посреди дороги и замахала руками.

Водитель притормозил в полуметре перед голосующей.

– Жить надоело? – высунул голову в открытое окно и заорал, перепугавшись предстоящего ДТП. – Куда прёшь?! А если бы я на тебя наехал?!

– Серёга! – Наташа узнала местного красавца и подбежала к нему. – Сергей, это же я! – встала рядом.

– Наташа? – мужчина открыл дверцу и второпях покинул салон. – Это ты?

– Отвези меня в город, пожалуйста, – затараторила женщина, – автобуса до утра не будет, а мне срочно надо.

– Я только вернулся... – замялся Сергей, – меня дома ждут.

– Серёженька, миленький, – полезла в сумку за кошельком, – я тебе денег дам, только отвези, а?

– Ну, ладно, – задумчиво ответил водитель, – садись. Сейчас только домой приедем, я жену предупреджу.

– Я тебя очень прошу, не надо возвращаться. Зачем терять время?

Оббежав авто, Наташа прыгнула на переднее пассажирское сидение. Положила пальцы на торпедо и нервно застучала по твёрдой поверхности. Серёжа не смог отказать. Сел за руль, развернул машину и дал газу. Конечно, как отказать той, которую он любит с юных лет. Как отказать, если дух захватывает при виде такой шикарной женщины: ухоженной, эффектной и чрезвычайно яркой. Не то, что жена Люда. Серая, невзрачная, тихая и скромная в постели.

– Ты давно приехала? – взволнованно спросил, искоса кидая короткие взгляды.

– Сегодня, – поправляя юбку на коленях, ответила Наташа.

– И уже обратно?

– А что я там забыла? Проведала дочь, и хватит.

– А вот я месяц, как не был дома, – украдкой посмотрел на голые острые коленки. – Дали два дня, еду...

– А-а, – Наташа потрясла воротником блузки.

– Жарко? Открой окно.

Покрутив ручку на двери, Наташа высунула голову в открытое окно и звонко рассмеялась.

– Ты чего, – Сергей смотрел на дорогу и изредка на пассажирку.

– А помнишь, как мы с тобой с выпускного сбежали, и нас нашли на сеновале?

– Помню, – с горечью в голосе ответил мужчина, – я всё помню, Наташенька, – и положил горячую руку на женское колено.

– Осторожно! – игриво расхохоталась Наталья, заметив, как машину понесло к обочине.

Отвлёкшийся на привлекательные колени водитель, резко вывернул руль вправо и судорожно вытер вспотевший лоб.

– Ну ты даёшь, – выдохнул с облегчением, – чуть в аварию не попали.

– А ты за дорогой следи! – завлекающий смех женщины оглушал салон.

– А ты коленки спрячь, – выдавил из себя Серёга, крепче вцепившись в руль. – Не отвлекай.

– Уверен? – Наташе захотелось поиграть с растерянным женатиком. Она всю жизнь знала, Сергей без ума от неё и женился на Людке по глупости.

Расстегнув три верхние пуговицы блузки, вульгарная особа закинула ногу на ногу и приподняла, показывая свою прелестную нижнюю часть тела. Несколько раз обмахнула ладонью лицо, потом шею и томно сказала:

– Уф-ф, какая жара. Лето в этом году просто жарит. Даже ночью покоя нет.

Сергей молчал, косясь правым глазом на пухлые ляжки и слглатывая голодную слюну.

– Сейчас бы испугнуться, – мечтательно произнесла Наташа. – А потом и дальше ехать можно.

Как по заказу, машина свернула с асфальтированной дороги на просёлочную и сбавила ход. Выбитые из прокатанной, пыльной земли ямы не давали транспорту идти в полную силу. Ржавяющие амортизаторы скрипели и подкидывали вверх облезшую кабину, того и гляди, многолетнее авто не выдержит под старость испытаний и развалится на две части.

– А ты понятливый, – довольная своим командирским характером, Наташа сладко потянулась, прижимая к груди пальцы и разводя лопатки. – Тебе б ещё костюмчик серенький и денег – цены б не было.

– Угу, – промычал Сергей, всматриваясь вдаль: где там берег озера? Пора бы уже ему показаться.

Проехав открытое поле, засеянное молодыми посевами, парочка, наконец, достигла цели. Впереди открылся восхитительный вид: озеро, окутанное белоснежными берёзками и различными кустарниками. По тихой воде плывёт жёлтая дорожка лунного света, призывая пройти по ней босиком и вдохнуть свежего, озёрного воздуха. Тишь да гладь: ни кваканья лягушек, ни плеска рыбёшки – никого. Что странно, здесь даже местных жителей нет – молодёжи, которая обычно проводит пол ночи на берегу спокойной, безмятежной Малиновки.

– Подожди, – выходя из машины, Наташа не узнала привычный берег, – ты куда привёз?

– Подальше от людских глаз, – вылезая из салона, Сергей снимал через голову футболку. – Слышишь, – поднял палец вверх и замолчал.

Наташа направила слух в сторону воды. Ничего не услышав, скривила рот и надменно цокнула.

– Шутки шутишь?

– Да не-ет, ты прислушайся, – подходя ближе, снял футболку и бросил на примятую траву, на которой недавно кто-то лежал. – Тишина-а...

– И что? – Наташа скинула туфли и подошла к воде.

– Здесь нам никто не помешает, – следом за футболкой на траву полетели штаны.

Не вслушиваясь, о чём говорит Сергей, Наталья наклонилась, чтобы проверить температуру воды. У Серёги разыгралась кровь, когда увидел прямо перед собой две округлых «дыни», выпирающие из-под короткой юбки. Погладив рукой волосатую грудь, не смог удержаться и кинулся на женщину, подхватив её за упругую талию.

– Ой! Аха-ха-ха! – ноги Наташи оторвались от земли и поджались к груди. – Отпусти! Аха-ха! Дурачок!

Её раскатистый смех прозвенел вдоль бесшумного берега и рассыпался по примятой траве рядом с одеждой Сергея. Он повалил любимую на спину и уставился в её бездонные голубые глаза, которые видит во сне вот уже почти шестнадцать лет. Через мгновение взгляд опустился на рот Наташи. На лице Сергея отобразилось страстное желание поцеловать эти оборочительные губы, пухлые, влажные, дрожащие от заливистого смеха.

– Отпусти! – продолжала повторять весёлая подруга юности, не пытаясь вырваться из непрошенных, любовных оков. – Хватит! Сергей! Слезай!

Не обращая внимание на призывы освободить задыхающееся тело, влюблённый женатик взялся двумя пальцами за собачку молнии, пришитую к бочине юбки, и дёрнул её вниз.

Внезапно Наташа почувствовала прикосновение горячей ладони на своём бедре.

– А ну-ка, – смех сменился грубым тоном недовольной женщины. – Если ты сейчас не отстанешь, в следующий раз я всё доложу твоей домохозяйке.

Её лицо стало настолько строгим, что Сергей опешил, и жгучее желание улетучилось моментально, оставив неприятный осадок и плотный ком в горле. Низ живота заныл, заставляя оставить неприступную женщину в покое. Сергей резко сел на траву и сгорбился, опустив голову вниз.

– Ишь ты, прыткий какой, – кокетливо сказала Наташа, отряхиваясь от зелёных травинок, песка и прочего мелкого мусора. – И не стыдно?

– А почему мне должно быть стыдно? – сжимаясь от боли, Серёга морщился и кривил рот. – Мне баба нужна. А тут ты... со своими коленками.

– А-а, не даёт, значит! – Наташа расхохоталась в голос. – Так ты решил ко мне! Ха-ха! – откинулась на локти и уставилась на голую, покрытую мурашками спину. – А на вахте? Неужели не завёл никого?

Сергей повернул голову и обиженно посмотрел на любимую хохотушку.

– Видела бы ты их. Одна «краше» другой, – выпалил с брезгливостью и отвернулся.

– У-у, ха-ха-ха! А что так? Неужто все старые и толстые?

– Страшные, как крокодил, – пробурчал мужчина, пытаясь дышать равномерно, чтобы избавиться от боли.

– А ты поприседай, – сразу поняла, что к чему, – поприседай, и отпустит.

– Уже не надо, – поднимаясь с земли, Сергей прихватил штаны и футболку, – спасибо.

– Купаться-то будем? – веселья у Наташи поубавилось. Чисто по-женски ей стало жаль бедолагу.

Представив Наташку в неглиже, Сергей отказался от этой идеи.

– Поехали. Хватит валяться. Время идёт.

– Ох, – сопроводив разочарованное состояние души грудным вдохом, женщина встала, застегнула блузку и полезла в машину. – Значит, так хотелось, раз уж сразу сдался, – села на переднее пассажирское.

– Ну ты и... стерва, – опомнился парень. – Зачем дурочку ломала? – сел за руль и положил руки на баранку.

– А это чтобы тебя подразнить! – салон заполнился издевательским, гомерическим хохотом.

– И зараза же ты, – Сергея отпустило. Улыбнувшись, завёл мотор и развернул авто.

Глава 2

Закончив все дела по дому, Людмила взглянула на часы. Стрелки показывали 00:43.

– И где эту Олесю носит? – легла в тёплую, мягкую постель, снимая с головы косынку.

Положив головной убор на стул рядом с кроватью, натянула на себя ватное одеяло и прикрыла уставшие глаза. Завтра Серёжа вернётся домой. Тяжело, когда он неделями отсутствует, очень тяжело. Но по-другому никак. Работы в деревне для него нет, в районе – тоже. Приходится кататься в дальнюю даль, чтобы прокормить семью. Нет, семья Люды не голодает. Есть и огород, и теплица с парником, куры, утки, но на одежду и технику приходится складывать по копейке, чтобы накопить нужную сумму. А на это уходят месяцы.

– Как же раньше хорошо было, – Люда отмотала в голове несколько лет назад и вспомнила свою свадьбу, рождение дочери, работу в местном продуктовом магазине, добрейшей души маму и строгого хмурого отца. Вспомнила молодого мужа с юным пушком над верхней губой и первый поцелуй, когда Люда потеряла голову от любви. – Слава богу, Павлиниха уехала отсюда и больше не потревожит нас своим присутствием. Серёжа меня любит и только меня, – засыпая, убеждала себя в искренних чувствах любимого мужа.

Ровно через час Людмила очнулась и резко села на кровати. Какое-то странное, неприятное чувство охватило её нежное сердце. В душе поселилась тревога. На часах уже 01:43.

– Олеся! – крикнула в сторону соседней комнаты и поторопилась надеть растоптанные домашние тапочки. – Олеся, ты уже дома?!

Запутавшись в длинном халате, побежала в комнату дочери. Открыла дверь. Кровать заправлена, мягкие игрушки лежат на подушке в таком же порядке, как их положили вечером. Ощущая внутреннее беспокойство, Люда выскочила на улицу.

– Олеся! – подбежала к калитке и крикнула во всеуслышание. – Доченька!

Присмотревшись в темноту чуть дальше соседнего дома, заметила человеческую фигуру, идущую навстречу. Выбежав на дорогу, Людмила встала у обочины и начала всматриваться. Её ли это дочь или нет. Да, это была Олеся. Она шла на заплетающихся ногах, размахивая руками. Что-то говорила себе под нос и спотыкалась на ровной дороге.

– Олеська! – узнала-таки родную дочь. Кинулась к ней, чтобы отругать за столь позднее возвращение домой. – Ты где была? Я же сказала, до двенадцати.

– А что ещё ты сказала? – подвыпившая девчушка остановилась перед матерью и подняла мутные глаза. – А? Что ещё и кому ты сказала? Отойди, – повесив голову, оттолкнула мать и двинулась к дому.

Только сейчас Люда заметила потрёпанный внешний вид молодой девушки. Волосы были спутаны и перекручены, словно ими мыли пол, косметика на лице размазана, в правой руке – туфли, а одежда... Одежда выглядела так, будто Олесю катали по зелёной траве.

– Ты где была? – ошалевшим голосом спросила мама, шагая позади. – Ты где так извалялась?

– Да отвали, а, – Олесе с трудом давались человеческие слова. – Я спать хочу.

Обогнав девушку, Люда встала перед ней, преграждая дорогу.

– Ты что, пила? – только теперь она уловила запах спиртного. – Что пила? Где взяла? – заваливала вопросами качающуюся дочь. – А Галя? Вы же вместе уходили. Где она?

– Там, – махнув рукой, в которой болтались туфли, Олеся побрела домой.

– И эта тоже? – в голове Люды расплзлись бредовые мысли. – Это она тебя подтолкнула?

Олеся не отвечала. Разговаривать с матерью не хотелось, тем более о подруге. С огромным трудом дойдя до калитки, девушка набросила на чостокол руки и заняла:

– Мне плохо...

– Вся в мать, – зашипела Люда, подхватывая дочь. – Что та шаболда, что эта. Не дружи с ней больше, слышишь? Чтобы я вас вместе больше не видела.

Олеся кряхтела, сопела и давилась от рвотных рефлексов, когда мама тащила её пьяное, обмякшее тело в дом. С горем пополам заволокла на крыльцо и прислонила к облупленной деревянной стенке, чтобы ухватить девчонку поудобнее. Отмахиваясь от материнских рук, Олеся чуть было не свалилась с крыльца, но Люда поймала нетрезвую дочь за шиворот и с силой встряхнула, обругав за позднее гулянье и пьянку неизвестно с кем.

– Отвали-и, – качаясь на ватных ногах, девушка продолжала отпихивать мать, уронив при этом туфли. – Я сама.

– Куда сама? – Люде не терпелось затолкать девчонку в сени, чтобы не дай бог никто не увидел, в каком состоянии пришла домой дочь бывшего школьного завхоза.

Открыв пошире входную дверь, Люда взяла девочку за запястья и повернула лицом ко входу, легонько ткнула в спину.

– Ой, мне плохо, – внезапно развернувшись, Олеся приложила ладонь к шее, не успев закрыть рукой рот, и её начало полоскать прямо под ноги ошарашенной мамы.

– Отравили ребёнка, – отпрыгнув назад, Люда сморщилась от вида неприятной лужи, оставленной Олесей. – Ты что пила?

Судя по бордовой кашнице, расплывшейся по потрескавшейся доске, дочь баловалась вином.

– Ой, мам, – застонала измученная Олеся, чувствуя муторное состояние всего организма, – дай водички.

– Сейчас, сейчас, – заметалась на месте мама, не зная, что делать: проводить дочь в дом для начала или принести холодной, колодезной воды.

Всё-таки решила отвести Олесю в комнату.

– Пойдём, – обняла за пояс и повела в постель. – Тебе бы умыться.

– Не хочу, – всхлипнула расстроенная девица, на ходу цепляясь за дверные косяки, стены и спотыкаясь о пороги. – Я умереть хочу.

– Ты что такое говоришь? – возмущённо вскрикнула Люда, доведя её до кровати. – Садись и не смей так думать! Сейчас ляжешь, выспишься, а утром папа придет, – уложив Олесю, втянула спёртый воздух через раздувшиеся ноздри. – Фу, какой же перегар будет тут стоять.

– Ну и пусть, – неуклюже заворачиваясь в одеяло, буркнула девушка.

– Подожди, раздеться надо.

– Не хочу, – широко зевнув, Олеся заговорила каким-то обиженным тоном. – Я ему про любовь свою, а он... – захлюпала носом, – ржёт, как сивый мерин.

– Кто? – мать присела на край кровати, отворачивая в сторону нос.

– Он... Ох, ма-ам, он такой классный. Мы с ним на траве лежали и разговаривали, разговаривали... Он мне искупаться предложил... Ребята домой ушли...

– Спи, спи давай, хватит болтать, – укрывала одеялом любимую дочь до шеи. – Завтра расскажешь. Надо встать пораньше, чтобы отца встретить.

– Да пошёл он, – засыпая, Олеся говорила не так громко. – Я их видела, мам.

– Кого?

– Их. Он её в машину посадил, а меня тошнить начало. А я лежу и думаю, чтоб вы разбились.

– Господи, разве так можно, желать кому-то плохого?

– Ему? Можно, – в полудрёме шептала девушка. – Я ему шину стекляшкой порезала. Надеюсь, они лежат где-нибудь на обочине... Мёртвые...

Поднявшись с кровати, Люда пристально посмотрела на дочь, помахала рукой у лица, чтобы развеять отвратительный запах спиртного, подошла к двери, задержалась на секунду и обернулась.

– Нельзя так, доченька, – с прискорбием в глазах посмотрела на спящую Олесю, – ты ещё такая молоденькая. Будет в твоей жизни любимый человек. Не торопись.

Вышла и закрыла за собой дверь с такой аккуратностью, чтобы не потревожить сон любимой дочери. Олеся спала, как убитая.

Люда не смогла сомкнуть глаз. Крутилась, меняла положение в постели, дёргала ногой, чтобы расправить низ одеяла, и всё время думала о муже. А ведь она тоже была в подобной ситуации. На выпускном, когда Сергей неожиданно исчез из клуба вместе с Наташей. С той самой, которая вела себя, как распущенная девица. Целовалась со всеми подряд и хвасталась перед Людмилой своими женскими достижениями.

Глава 3

– А мы вчера с Вовкой Калининим обнимались, – выходя из школы, четырнадцатилетняя Наталья Новикова закинула лямку тряпичной сумки на плечо и весело цокнула языком. – От него так пахло табаком.

Людмила шла позади и рассматривала чёрные блестящие туфли подруги.

– Он меня так прижимал, аж сердце заходится, – вздыхала девушка, наслаждаясь воспоминаниями о вчерашнем вечере.

– Он же намного старше тебя, – возмущённо сказала Люда, подтягивая сползший гольф на левой ноге. – Фу, как-то противно.

– Конечно, противно, – ухмыльнулась Наташа, обернувшись, – ты ж ещё маленькая, – и продолжила шагать к школьным воротам.

– И ничего не маленькая, – обидевшись, возразила девочка, – мне уже двенадцать.

– Ха! Всего двенадцать! – чтобы добить малолетним возрастом, Наталья тут же придумала дразнилку.

– Ты ещё совсем соплива, девочка моя!

У меня густая грива, словно у коня!

Каблуки с набойкой толстой, на руке – кольцо!

Ну, а ты скачи до дома, тухлое яйцо!

– Ну и дура, – Люда обиделась ещё сильнее. – Сама – тухлое яйцо!

– Аха-ха! – расхохоталась Наташа. Расставив ноги, чтобы не упасть. – Иди, иди! Чтоб ты понимала, малолетка!

Подруги были дружны с детства, так как жили рядом. Их дома стояли друг напротив друга, и девочки каждый день встречались посреди дороги, чтобы на пару смыться подальше от родительских глаз. Вместе сбегали к озеру, где взрослые наравне с детьми соревновались в нырянии. Вместе ходили в магазин и покупали леденцы, а вечером получали увесистый нагоняй от родителей за покупку на ворованные деньги, которые Люда, по науськиванию своей лучшей подруги, брала из пол-литровой банки, служившей копилкой. Всё детство девчонки провели бок о бок, пока Наташа не пошла в первый класс. Стоя у забора и наблюдая за выходящей со двора подругой с огромным букетом георгин и такими же необъятными бантами на голове, пятилетняя Людочка проливала горькие слёзы и махала ручкой на прощание, будто любимая Наташенька покидает родную деревню навсегда.

– А это «МА-МА», – в один из осенних дней подруга пригласила Люду поиграть в школу. – А здесь «РА-МА». Понятно? – девочка показывала буквы в Букваре кончиком карандаша, который служил указкой, и читала по слогам. – Бери синий карандаш и пиши «мама».

– Не умею, – опешила маленькая ученица.

– Ох, тёха-тетёха, – изображая из себя взрослую, Наташа покачивала головой, как это делала её глуховатая бабушка, садилась рядышком и выводила каждую букву с лёгким нажимом, чтобы не сломать грифель карандаша. – Понятно?

– Ага, – пожав плечами, Люда принялась учиться.

Через два года пришёл и её черёд идти в школу. Наконец-то, теперь подруги будут больше проводить времени вместе. Жаль, они учатся в разных классах, а так бы сидели за одной партой, держась за руки, и слушали урок.

– А тебе было трудно учиться в первом классе? – покидая стены одноэтажного здания, Люда схватила руку подруги и зашагала в такт её широких шагов.

– Не-а, – у меня талант, – с гордостью ответила Наташа, поднимая глаза к ясному небу.

– А что такое «талант»? – с любопытством спросила девочка, повторяя движения головой.

– Вот ты яблоки любишь?

– Ага.

– Сколько можешь съесть сразу?

– Наверное, два.

– А я половину. Я ими в детстве объелась. Значит, у тебя тоже есть талант – ты любишь яблоки. Поняла?

– Угу, – Люда пребывала в тяжёлых раздумьях. С блоками – понятно, а с первым классом, что?

Первый класс Люда закончила хорошо. Её любознательность и рвение подражать старшей подруге дали отличные плоды. Полюбив чтение, Люда всё больше погружалась в школьную библиотеку и всё чаще ходила в сельскую. Залпом проглатывая тексты в твёрдом переплёте, Людмила всё больше узнавала о людях, их характере и жизненных целях. Одну такую цель она себе поставила уже в шестом классе – стать учителем и работать в местной школе.

– Тебе делать, что ли, нечего? – зря она поделилась с подругой этой новостью. Наташа приняла желаемое за откровенную глупость. – Какой учитель? Вот я хочу стать певицей!

– А зачем?

– Как? Чтобы колесить по стране и стать знаменитой, как Алла Пугачёва.

– Нет, я так не хочу, – Люду несколько не смутила цель Наташи. – Я буду учить детей, рассказывать им о том, что знаю. Это самая лучшая профессия.

– Ну ты и одноклеточная! – взъерепенилась Наташа, соскочив с крыльца своего дома.

– Что?

– Амёба, говорю. Самая настоящая а-мё-ба!

В этот день подруги пылко поссорились. Наталья, указав девочке на калитку, запретила ей приходить и вообще, заводить разговоры при встрече. Расстроившись до глубины души, Люда поплелась домой, хлюпая и бормоча себе под нос:

– Зато у меня мамка добрая, а твоя на тебя орёт и прутом грозит.

Мать Наташи действительно очень строгая: не даёт спуска и не позволяет дочери лишнего. Но её бабушка Нина Антиповна, которая вырастила троих сыновей и всю жизнь мечтала о маленькой дочке, в Наташе души не чаяла. Баловала девочку разнообразными нарядами, сшитыми собственноручно или купленными в городском магазине Детский Мир, одаривала игрушками, книжками, помогала делать уроки, да и вообще, как только узнала, что у неё родилась внучка, сразу занялась приготовлением приданого на будущее. Наталья от такой заботы росла неуправляемой, дерзкой, избалованной и чрезмерно напыщенной. Мать не могла с ней справиться, часто ссорилась с Ниной по поводу бездумного воспитания.

– Вы ей на блюдечке с золотой каёмочкой, а она после на меня, как на врага смотрит! – придя с работы, Анфиса помыла руки под ручкомойником и стряхнула лишнюю воду. – Что в лоб, что по лбу! Меня не слушается! И кто из неё вырастет?

– Красивая девка из неё вырастет, – Нина сидела за столом и щелкала только что обжаренные семечки подсолнечника. Шелуху складывала в одну кучку, а беленькие, чистые зёрнышки – в другую. – Все женихи её будут. Ай, какая ж она у нас складная.

– У неё в голове ветер. Ей надо об учёбе думать, а не о женихах. Зачем ты ей столько одежды покупаешь? Уже складывать некуда. Весь шифоньер тряпками забит, – вытерев руки, Анфиса заглянула в кастрюлю, в которой томился гороховый суп. – Учительница меня встретила и говорит, мол, Наташа скатилась по математике. Делать ничего не хочет. На уроках в облаках витает.

– Да чтоб она понимала, учительница твоя? – сгребла обломанные створки шелухи в широкую ладонь, покрытую трудовыми мозолями. – Девке надо уметь вести хозяйство, а не циферки складывать, – тяжело поднялась с табурета и на полусогнутых ногах приблизи-

лась к печке. Открыла дверцу, закинула мусор и вернулась за стол. – Вот станет Наташенька постарше, научу блинki ажурные печь, пирожки стряпать.

Продолжив незамысловатое занятие, отвлеклась на скрип двери.

– Ой, а вот и Наташенька из школы вернулась! – радостно воскликнула Нина, всплеснув руками. – Садись, милая, я тебе тут зёрнышек приготовила.

Войдя в дом, Наташа кинула школьную сумку у порога и сердито посмотрела на мать.

– Что, глядишь, как сыч? – бросила Анфиса дочери, наливая суп в тарелку. – Опять двойку принесла?

– А тебе-то что? – огрызнулась девочка, расшнуровывая ботинки. – Что ты её слушаешь? Ей дела ни до кого нет, а ко мне прицепилась.

– Не прицепилась, а заботится, – поставив тарелку на стол, Анфиса вынула из ящика разделочного стола нож. – Вон Людка Иванова, младше тебя, а учится лучше.

– Мне всё равно, – забурчала Наталья, ощущая прилив злости на подругу. – У неё и друзей-то нет, потому что она ботаник.

– Девочка любознательна. Интересуется многим. Часто вижу её на лавке у дома за книгой. Сразу видно, у неё будет счастливое будущее. А ты так и останешься неучем, – отрезала два куса чёрного душистого хлеба и плюхнулась на табурет. – Трудолюбивая, отзывчивая...

– Да хватит уже, а?! – не выдержав хвалебных отзывов о посторонней девчонке, Наташа всхлипнула и убежала в комнату, пнув на ходу свою сумку.

– И нечего здесь свой характер показывать! – крикнула вдогонку Анфиса и поводила столовой ложкой в горячем супе, чтобы побыстрее остыл. – Иди лучше скотину напои!

– Не надо, – вступилась бабушка за обидчивую внучку. – Я сама всё сделаю. И покормлю, и напою.

– Опять?! – психанула Анфиса, бросив ложку в тарелку. – Девка лодырем растёт, а ты ей потакаешь!

– Орать на свою мать будешь, – Нина встала, собрала зёрна в старинное блюдо и гордо так сказала. – Покуда я здесь проживаю, девку не тронь. Иначе я пожалуюсь Фёдору, и он тебя враз выпроводит.

Зарывшись лицом в подушку, Наташа крепко зажмурилась, чтобы не разреветься. До чего ж обидно! Мать хвалит Людку, а свою единственную дочь грызёт, будто она ей неродная. Ну и что, что эта мелкая учится хорошо. Ну и пусть себе грызёт гранит науки, если уж так прищипило. Столько времени тратить на такие глупости, как ненавистная математика и родной язык. Зачем? Для чего? Читать-писать умеешь, и хватит. Кто придумал эти глупые косинусы и квадраты? Какая разница, как писать через «о» или через «а»? Смысл ведь всем понятен. Что за глупости? Надоело! Ох, как надоело сидеть на твёрдом стуле, где все кости ломит, нет бы подушечку какую подложить. Нельзя, дети должны сидеть ровно, соблюдая осанку и положив перед собой руки. А кто-нибудь интересовался, как это неудобно? Плечи затекают, бёдра ноют, упираясь костями в жёсткое сиденье. Ох, как всё несправедливо! Ох, как надоело, опротивело до тошноты! Быстрей бы вырасти и сбежать из деревни, куда подальше.

Наташа лежала, приподняв голову, чтобы не задохнуться, и думала о взрослой жизни, как о чём-то сверхъестественном и далёком.

«Хочу уехать отсюда, – подумала сквозь слёзы, – надоело. Как мне всё это надоело.

– Наташенька, – в комнату постучала бабушка.

Удивительно, но бабуля соблюдала рамки приличия и не врывалась без стука в апартаменты подростка. А вот мама... та влетала, как ураган, не спрашивая разрешения.

– Можно, я войду? – приоткрыла дверь и заглянула в щёлку правым глазом. – Я тебе вкусенького принесла.

– Входи, бабуль, – отчётливо шмыгнув носом, девочка присела на кровати и поправила выбившиеся локоны у лица. – Что там у тебя?

– Сёмки, – Нина подала блюдце и пристроилась рядышком. – Гляди, сколько нагрызла.
– Спасибо, – с разочарованием в голосе сказала внучка, поставив на колени блюдце.
– Ты что это, плакала? – опомнилась бабушка, посмотрев в красные, грустные глаза. – Из-за мамки, что ль? Да плю-унь, – обняла Наташу за плечи и покачалась месте с ней из стороны в сторону. – Она хоть и злая, зато есть я – добрая.

– Спасибо, бабушка, – всхлипнув, повеселевшая девчушка, положила в рот беленькое зёрнышко подсолнечника и поцеловала морщинистую щёку любимой бабушки.

– А если будет командовать, мы всё батьке доложим, да? – хихикнула хитрая старушка, прижавшись щекой к щеке внучки. – А то ишь, какая стала. Ходит тут, указывает всем. Но со мной этот номер не пройдёт. Я мно-ого чего знаю, но пока молчу. Да?

Посмотрела на Наташу загадочным взглядом и вновь прижалась к ней щекой.

После ухода матери Наташа вышла из комнаты, включила телевизор, забыв об уроках. До позднего вечера просидела на мягком диване, уставившись в голубой экран «Рекорда».

– Бабу-уль! – лишь иногда отвлекалась на перекусы и чай. – Принеси сушки! Я есть хочу.

– О-ох, – кряхтя, бабушка поднималась с постели и тащила в кухню за лакомством для любимой внучки. – Чаю?

– Лучше компот! – подёргивая ножкой и не поворачивая головы, отвечала девочка. – Ха! Вот они смешные! – радовалась неуклюжим мультипликационным бурундуку и хомяку, делившим в амбаре горох. – Ха-ха!

Нина открыла подпол, спустилась, сгибая спину, чтобы не получить по голове тяжёлыми досками, достала оттуда трёхлитровую банку яблочного компота. С трудом выставила наружу и, покряхтывая от собственного немалого веса, поднялась по короткой лестнице наверх.

– Ой, батюшки! – не успев выпрямиться, стоя на половицах, схватилась за поясницу. – Ой, чтоб тебя!

– Ты чего? – Наташа услышала тревожный стон.

– Радикули-ит, чтоб ему провалиться, – перенеся огромный «кардан» на табурет, женщина с аккуратностью присела, положила руки на колени, чтобы переждать болевой приступ. – Наташенька, – произнесла с тяжёлым дыханием. – Деточка, иди сама банку открой... О-ой, не разогнуться мне чтой-то...

Нина сидела, согнувшись в три погибели, и делала глубокий вдох, стараясь перехитрить болевой порог.

– Ай, бабуль, мне сейчас некогда, – с недовольством отозвалась внучка, не упуская из виду выпадающего из водосточной трубы хомяка. – Давай сама! Я пить хочу!

– Уф-ф, – выдыхала Нина, потирая поясницу костяшкой большого пальца. – Сейчас-сейчас, только отпустит...

Натерев кожу до красноты, бабушка ощутила небольшое облегчение. Приподнялась, положив руку назад, и подошла к крючкам для верхней одежды.

– Да где же он? – скрючившись, порыскала среди фуфаяк, старых курток и подняла глаза на решётку, куда кладут головные уборы. – А-а, вот же...

Подняла руку, но дотянуться не смогла.

– Наташенька, помоги мне, пожалуйста! – попросила девочку об одолжении. – Платок не могу достать!

– Не могу! Передача началась! – подогнув ноги, Наташа плавно двигала плечами в такт музыкальной заставке.

Придётся лезть самой. Развернувшись, Нина заковыляла в кухню за табуреткой. Принесла, поставила рядом с вешалкой.

– А если я завалюсь? – задумалась о последствиях. – Не-е...

Отставила предмет мебели в сторону. Просунула руку за печь и вынула оттуда швабру.

– Вот так славней будет, – поддела между струнами решётки тёплый пуховый платок и подтянула его к краю. Повторила несколько раз – и вот платок падает в руки старушки.

– Где наша не пропадала, – обмотала спину и затянула потуже.

– Ба-а! Ну где компот? Я пить хочу! – жажда мучила Наташу. Во рту всё пересохло, а язык стал шершавым.

– Иду, иду, – завязав на животе два пуховых узла, Нина поспешила открывать банку с компотом.

Часы пробили 19:00. Задорная кукушка выглянула несколько раз из своего домика и оповестила о наступившем вечере. Нина принесла в комнату прозрачный стакан со светлым напитком. И дольку яблока не забыла в него положить. Подходя к внучке приставными шагами, Нина встала у дивана и протянула долгожданный компот.

– Держи, деточка.

– Яблочный? – сморщилась Наташа, глядя на одинокую дольку, лежащую на дне. – Я малиновый хотела, – скуксилась и сделала вид, будто сейчас заплачет.

– Да? А я не слыхала, – расстроилась бабушка, что не смогла угодить единственной внучке. – Ты в другой раз погромче кричи, – повернулась, чтобы отнести стакан. – Болячки, мать их, покоя не дают.

По дороге в кухню выпила компот и собралась было опять лезть в подпол.

– Хорошо, что я его не закрыла, – оценила масштаб работы и, вздохнув перед спуском с горы, поставила правую ногу на верхнюю ступень лестницы.

– А-а! – отчаянный крик Натальи остановил бабулю.

– Что такое? – Нина моментально забыла о больной спине. Разогнувшись, поскакала спасать внучку от неминуемой беды.

– А-а! Я умираю! – голосила девочка, стоя на жёстком паласе и размахивая руками.

Подскочив к орущей девчонке, встала перед ней и захлопала редкими ресницами.

– Что такое? Что случилось? – развела дрожащие руки в разные стороны. – Наташенька! Детка!

– Вот! – девочка сунула под нос бабули руку, из которой текла тонюсенькая струйка красной крови. – Я на что-то напоролась! А-а-а...

Внучка плакала, корчась от боли, и закидывала голове назад, изображая адские мучения.

– Ой, Господи! – забывчивая бабушка кинулась к дивану. – Ой, как это? Я ведь точно помню!

Начала водить ладонями по обивке, чтобы найти швейную иглу, которую воткнула сюда ещё утром.

– Носки сыну штопала, а иголку сюда приладила! Да где же она?

– Там! – палец Наташи указал на место рядом с подлокотником.

Найдя стальную виновницу, Нина вытащила её и продела в клубок с чёрными нитками.

– Ох, и напугала ты меня, – обняла зарёванную внучку. – Пойдём, я тебе пластырем...

– А можно забинтовать? – всхлипывала четырнадцатилетняя кобыла, строя из себя пятилетнюю девочку. – Боли-ит.

– Давай забинтуем.

На следующий день, придя в школу, Наталья демонстративно держала руку прямо перед собой, якобы с ней произошло что-то ну очень серьёзное. Одноклассницы, заметив странность в девушке, принялись любопытствовать.

– А что у тебя там?

– Не скажу, – важничала Наташа, открывая учебник по истории левой рукой.

– Обожглась?

– Нет, хуже, – поправила локон у виска и уткнулась в книгу.

– Да ладно тебе, рассказывай, – не отставали девушки, окружив увлѣкшуюся чтением раненую.

– Сломана, – с гордостью ответила Наталья, подняв светящиеся хитрые глаза.

– Ох, ты-ы ж, – протянула одна из девочек, представив, насколько это болезненно и страшно – сломать руку. – Очень больно было?

– Не то слово, – подѣргивая округлыми плечами, зазнайка изображала на лице смелость и отвагу.

– Ты кричала?

– Нет, – сложив губки бантиком, при всех погладила правую руку от локтя до запястья, показывая тем самым, что ей пришлось вчера пережить.

– Да врѣт она! – голос с последней парты первого ряда перевѣл внимание девушек на коротко стриженного парнишку с фингалом под глазом. – Ничего и не сломана.

– А ты видел? Видел? – хвастунишка покраснела как бурак и втянула губы.

– Не видел, но знаю, – побитый Васька приподнялся и пристально посмотрел на рукав школьной формы. – Гипса нет, значит, ушиб, а не перелом, – сделал умное заключение и плюхнулся обратно на стул.

– Точно! – вспомнила светловолосая девица, поправив плечики фартука. – Мой брат в прошлом году ногу сломал, и ему гипс наложили до самого колена.

– Это нога! – воскликнула Наташа, предчувствуя скорое разоблачение. – А то – рука!

– А какая разница? – зашевелились девушки.

– Большая! – насупилась Наташа, прослезившись. – Не понимаете, вот и не лезьте!

Девчонки потихоньку разбрелись по своим местам, ожидая первого звонка, а Наталья чувствовала стыд перед всем классом. И зачем было врать? Теперь все будут смеяться...

Ох, любила она это дело – хвастаться и врать напропалую. Излюбленная родной бабушкой, которая потакала всем её капризам, Наталья не видела границ, что можно делать, а что нельзя. Принесёт, бывало, в школу новую куклу и рассказывает о ней небылицы, мол, родственники из-за границы прислали. Или придёт в новых туфлях и давай заливать о том, как эти туфли ей прислала сама Эдит Пиаф, которой не стало аж в 63-ем.

Кто из одноклассниц знал какие-то факты – сразу их озвучивали, тогда Наташа ловко выкручивалась, говоря о том, что девочки не верно расслышали, и эту вещь прислала не сама известная личность, а её родственник. Таким путём и родилась мечта стать знаменитой на весь белый свет.

Целыми днями проводя время впустую перед телевизором, Наташа представляла себя на сцене Большого театра в длинном белом платье в пол и с накрученными локонами, украшенными блѣсточками и огромным красным бантом. Зрители рукоплещут стоя, кричат «Браво!» и шлют воздушные поцелуи своему кумиру. Под ноги летят букеты различных цветов, а за кулисами её ожидает сам Аллен Делон в строгом костюме и лаковых чѣрных ботинках.

– Новикова! – в пустой кабинет вошла учитель физкультуры. – А ты почему здесь? Для тебя нужно особое приглашение?

– А Вам никто не сказал? – в воздухе повисла неловкая пауза. – У меня... вот...

Приподняв правую руку, Наташа показала на неё глазами.

– Что «вот»? – Ирина Вячеславовна стояла в недоумении.

– Сломана, – у Наташи замлела спина, то ли от долгого сидения, то ли от волнения.

– Когда успела? – Ирина направилась к девушке, чтобы убедиться в правоте её слов. – Показывай.

Расстегнув пуговицу, ученица задрала рукав до локтя и виновато посмотрела на физрука.

– Это что, шутка такая? – женщина в спортивном костюме нахмурилась. – Быстро переодеваться и на улицу.

Теперь точно девчонки засмеют.

Нужно было срочно что-то придумать, но ни одной умной мысли за пять минут, которые дала на переодевание Ирина Вячеславовна, не пришло. Медленно развязывая пояс фартука на поясице, Наташа поглядывала в окно на бегущих по стадиону одноклассников и молила Бога, чтобы сейчас, сию секунду, он спас её от постыдных насмешек. Вдруг издалека, за невысоким заборчиком, она заметила знакомую женскую фигуру. Не понять, кто это так торопится, рьяно размахивая косынкой, но уж больно знакомы ей эти незамысловатые телодвижения несущегося, словно на пожар, человека.

Женщина подлетела сначала к прохаживающемуся по натопанной дорожке физруку, а после рванула к входной двери.

– Мамка! – округлив и без того огромные глаза, Наташа встала как вкопанная, и её рука застыла на предпоследней пуговице, застёгнутой на груди. – Ой-й, наверное, узнала про моё враньё...

Скуксилась, скривилась, нагнулась, будто прячется от кого-то, и проскользнула к стулу, на котором лежал фартук. По длинному школьному коридору побежали тяжёлые ноги от одного кабинета к другому. Поначалу был слышен быстрый разговор с одним из учителей, а через минуту эти же ноги неслись в дальний угол пустого коридора. Дверь кабинета с тоскливым скрипом распахнулась, и Наташа узрела запыхавшееся лицо встревоженной матери.

– Собирайся, пошли домой, – задыхаясь после пробежки, затараторила Анфиса. Утерев лицо косынкой, которая недавно порхала в воздухе, пока она торопилась в школу, подошла к первой парте, положила руки на шершавую поверхность и сквозь слёзы простонала, – бабушке нашей плохо-о...

– А что с ней? – Наташа завязала сзади двойной узел, поправила бретельки фартука и взяла сумку.

– Вчера спину прихватило, а сегодня всю левую сторону парализовало, – жалея ехидную свекровь, Анфиса выпрямилась и, кряхтя, потёрла поясицу, – врач был, говорит, надо бы в больницу, а где ж её заставишь? Лежит, рот скособочен, только правой сторонкой пошевеливает. Упирается, ложиться в районную не хочет. Ну ни в какую.

Всплеснула руками от безвыходной ситуации.

– А папка? – Наташа направилась к двери.

– А что папка? Говорит, это бабские дела, разбирайтесь сами. А её же мыть теперь надо да кормить. А когда мне? Вот за тобой и прибежала, – последовала за дочерью.

– Мам, кормить? У неё же правая рука работает, как я поняла, – поравнявшись с матерью, Наташа сбавила шаг и задумалась. Это что ж получается, после школы придётся за бабкой присматривать?

– Она вся в расстройстах. Плачет. Сама не рада своему положению.

– Да отвезите вы её в больницу, – возмущённым голосом сказала Наташа, представив картину, как она будет кормить старушку кашей и вытирать ей рот. А она сидит и плюётся во все стороны.

Видела Наташа такое, когда сама в больнице лежала вместе с мамой. Палата была огромная, тут тебе и дети, и взрослые – все в кучу. Стариков почему-то селили по углам, наверное, чтобы не мешали никому. В одно время приходили родственники, а в другое – медсёстры, чтобы убрать за пожилыми и ещё раз покормить. Кто-то из них сидел смирно, а кто-то лежал и плевался или вовсе зажимал губы и не давал шанса всунуть в рот ложку с мутным бульоном.

– Не хочет, – поторапливаясь на работу, Анфиса резво перебирала ногами по истоптанной людьми тропинке. – Ты беги домой, а я – на работу. Кашу я уже сварила. Поговоришь с ней, язык-то шевелится, только не всегда понятно, что она там лопочет. Покормишь, если захочет.

Анфиса вышла к дороге, остановилась и ласково посмотрела на опечаленную дочь.

– Не переживай, и не такие на ноги вставали. Выздоровеет бабушка. Она крепкая, хоть и... – замолчала, уставившись в грустные глаза Наташи. После пятисекундной паузы продол-

жила подбадривать подростка. – Всё будет хорошо, доченька, – погладила по голове. – Ей сейчас наша забота нужна. Терпение и забота. Иди домой, там соседка за ней присматривает, но и у неё тоже свои дела есть. Некрасиво задерживать женщину.

Развернувшись, Анфиса пошла в противоположную сторону, а Наташа опустила голову и нехотя пошлёпала домой – ухаживать за больной бабулей.

– А если она обосрётся? Мне ей жопу вытирать, что ли? Ну уж не-ет, я на это согласие не давала...

Наташа медленно шла по дороге, представляя ясную картину, как бабуля лежит на кровати поверх одеяла, её лицо застыло, будто мёртвое, а правая сторона рта свисает вниз, растягивая бледные губы и оголяя нижние пожелтевшие зубы, стёртые временем и любимыми трубочатыми костями. Правая рука упала с кровати и болтается над полом, скрючившиеся пальцы посинели от холода, а большой живот провалился к позвоночнику, превратившись в яму из дряблой кожи.

– Бр-р, – содрогнулась девочка, представив бабулю отошедшей в мир иной. – Страх божий...

Она подошла к калитке своего дома, нащупала деревянную щеколду и откинула её. Калитка со скрипом и под натиском девичьей силы отворилась, приглашая Наташу войти.

– Лучше бы я на физру пошла, – буркнула она, закрывая за собой «ворота в ад».

Ноги не слушались, не переступали, как только Наташа оказалась на своей территории. Щиколотки отяжелели и не желали сгибаться, сустав как будто застрял, как механизм часов, у которого заржавели шестерёнки. Передвигая свинцовыми ногами, Наталья добралась до крыльца с пятью ступеньками и встала как замороженная.

– Не хочу-у, – пронеслось в её голове с диким отвращением и безразличием. – Почему я?

– Наташенька, – окно кухни открылось, и в проёме появилось улыбочивое лицо соседки. – Ты уже пришла? У меня время поджидает. Ниночку я уже покормила, ты только попить ей дай.

Довольная голова скрылась за занавеской, и Наташа, набрав в лёгкие свежего майского воздуха, поднялась по ступеням вверх.

– Привет, бабуль! – вошла в дом, как обычно раскидала свои вещи: сумку – к порогу, туфли – в полуметре друг от друга и подошвой кверху.

Помощница смылась за секунды, оставив после себя немытую тарелку, где была бабкина каша, и кружку, из которой сама же пила чай... или компот...

– Что? – Наташа прошла в комнату бабули, присела на стул, пустующий у постели больной, и уставилась в грустные глаза пожилой женщины. – Совсем встать не можешь?

Нина смотрела на внучку с каменным лицом, не пошевелив ни одним мускулом. Хотела поздороваться, но неуправляемый рот и волнение за свою немощность не дали произнести ни звука. Правый уголок губ потянулся книзу, оттягивая щеку назад, и Нина стала похожа на уродливого мужчину из фильма «Человек, который смеётся». До сих пор мурашки от этого кошмарного героя с разрезанным, а после зашитым вкривь и вкось ртом.

– Уф-ф, – вспомнив Гуинплена с ярко выраженным уродством, Наташа отскочила к стене. Её лицо побледнело моментально.

Наконец старушка смогла справиться с рукой и приподнять её над одеялом. Её кривые, пухлые пальцы вытянулись, и рука развернулась к Наташе.

– Чё тебе надо? – с каким же отвращением смотрела внучка на любящую бабулю. – Пить хочешь? – вспомнила слова соседки. – Сейчас принесу.

Набрала кипячёной воды из чайника и сквозь неприязнь и мерзкое состояние души поднесла кружку к неподвижным губам.

– И как тебя поить? – опешила девушка, представив, что бабуля сейчас захлебнётся, если ей налить в рот жидкость. Нина находилась больше в полулежачем состоянии, чем полусидячем.

Немного подумав, Наталья поставила кружку на стул, подхватила бабушку под мышки и потянула вверх, пытаясь её усадить. Бабка не сдвинулась с места ни на миллиметр. Естественно, комплекция ребёнка не совместима с весом толстой женщины.

– Ну, и что мне делать? – покрасневшая от натуги девочка прерывисто дышала и растёгивала пуговицы платья, чтобы освободиться от жара, пробравшегося под плотную ткань школьной формы. – Может, ты мамку подождёшь? – спросив с надеждой в голосе, Наташа вышла из комнаты и подошла к умывальнику.

Вся запаренная, не понимающая, как обеспечивать уход лежащему больному, она открыла кран, набрала полные ладони прохладной воды и окатила лицо. После ополоснула потную шею, прополоскала рот, сопровождая сие действие звуком «А-а», и вытерлась чистым мягким полотенцем.

– И что теперь? – посмотрела на своё растерянное отражение в небольшое овальное зеркало без рамы и повесила полотенце на железный крючок, пристроенный рядом с зеркалом. – Позвать кого? Так все ж на работе...

Вроде и бабуку жалко... но Наташа не подписывалась на эти трудности жизни. Никто её заранее не готовил, не предупреждал, да и надо ли? Вообще-то, бабуля – мать отца, вот пусть он и корячится над её телом, ну, на крайний случай, мама – её невестка, она тоже может поухаживать... Они же взрослые, в конце концов! А Наташа – ещё ребёнок, несмышлёный, слабый, ранимый... Котёнка, видите ли, заводить не разрешают, а немощную бабуку подсунули. Нет, с ними однозначно нужно, просто необходимо поговорить серьёзно.

Из комнаты послышалось шипение, чем-то напоминающее отдельные звуки или слоги. Повернув голову набок, девочка прищурила глаза и настроила слух на нужную волну.

– А... ша... а... ша...

– Заговорила, – с сожалением выдохнула внучка и поплелась к с сегодняшнего дня ненавистой полумёртвой старухе. – Что? – облокотилась рукой на косяк и состроила недовольную мину.

Бабуля через силу подняла правую руку и оставила её висеть в воздухе.

– Ну что ещё? – изображая плаксивость, девчушка сторбилась и приблизилась к постели. – Что, а? – встала ровно посередине, разделив визуальную кровать напополам своим телом. – Фу! Что это?

Ощувив ужасно отвратительный, гнилостный запах, сдобренный нотками свежей блевотины, Наталья зажала нос двумя пальцами и выбежала на крыльцо.

– Да пошли вы все! – проговорила вполголоса, хватая ртом насыщенный, свежий воздух и избавляясь от приступа тошноты. – Я не обязана! Это не мои проблемы! – непрошенные слёзы покатались из глаз давящейся рвотными позывами девочки. – Сами за ней говно разгребайте, а я и пальцем не пошевелю...

Отдышавшись и вытерев слёзы отчаяния, Наташа села на верхнюю ступень, сунула руки под мышки и устремила свой безразличный взор вдаль, туда, где засаженная картофелем усадьба соприкасается с соседским высоким забором Володьки Калинина. Сегодняшнее утро расколотило более-менее хорошее настроение на мелкие прозрачные стекляшки, не оставив приятного впечатления.

– Лучше бы я в школе осталась, – прошептала Наташа, не сводя глаз с сетчатого забора Володи, сквозь тонкие клеточки которого виднелись окна его дома и какие-то фигуры, мечущиеся на заднем дворе. – А лучше... – наиглупейшая мысль взбрела девочке-подростку, ничего не понимающему во взрослой жизни, – выйти замуж и не касаться никаких проблем с бабками, уборкой, а самое главное – учёбой. Ненавижу учиться...

Поднялась, поправила воротничок платья, прикрыла дверь, повесив на петельку шеколку – знак, что дома никого нет, и отправилась в гости к взрослому, симпатичному парню. Вышла на тропинку, протянувшуюся вдоль усадьбы, и опомнилась – на ногах нет обуви. Вернулась

в дом, добежав вприпрыжку, надела туфли и направилась осуществлять несбыточную мечту, только что придуманную на крыльце. Проходя мимо ещё одного соседского дома, огляделась. Между деревянными постройками был небольшой зазор, отделённый дощатым забором, куда частенько лазали ребяташки, когда нужно было попасть домой не по большому пути, а по короткому. Но на этот раз проходная была перегорожена старой заржавелой кроватной спинкой, потому как кто-то из пацанят повадился прятаться в этом проёме и курить бабкины папиросы. Однажды, обнаружив облако дыма за сараем, дядька Антон поймал малолетних курилок и надрал им уши, а затем оттащил к родителям, предупредив: если ребятня спалит сарай, то придётся заплатить кругленькую сумму за убытки.

– Понаставят тут, – отодвинув прикрученную толстой проволокой спинку, Наташа просунула ногу в образовавшуюся щель, поднажала на железную деталь и всунула вторую ногу. – Ни пройти, ни проехать, – поругала про себя глупого дядьку, поправила решётку и после отряхнула руки от обвалившихся хлопьев вековой краски и ржавчины.

Пробежав вдоль забора и наслушавшись грохота молотка, вышла к дороге, обошла угол забора. Глянула на задний двор, чтобы понять, кто есть дома. Под яблоней, растущей близко к стене жилища, на корточках сидел человек спиной к общей улице, судя по голому торсу и короткой стрижке – это был мужчина. Он энергично взмахивал молотком и также резко опускал его на новёхонькую осиновую доску, вбивая в свежее полотно гвозди-соточки. Наташа стояла по стойке смирно и любовалась игрой мужских мышц и крепкой рукой в районе плеча. Какие же у него красивые бицепсы!.. Гладкие, волнистые, так и хочется потрогать...

– Тебе чего? – в открытую дверь дома выглянуло серьёзное, хмурое лицо младшего брата Вовы – Генки.

– Я... к Володе, – немного неловкая ситуация получилась, но Наташа справилась с девичьей нерешительностью и робко подошла к незапертой калитке.

– Вов! Это к тебе! – выкрикнул Гена и скрылся за занавеской.

Парень обернулся, услышав голос брата.

– Привет! – призывно улыбнулся и быстренько вогнал последний сантиметр огромного гвоздя в доску, пристукнув пару раз напоследок расплывшуюся шляпку.

С трудом приподнявшись на замлевших ногах, потянулся, разведя руки в стороны, и встряхнул промокшей потом чёлкой.

– Как дела? – опять улыбнулся. Боже, какой же он... слов нет описать его внешность.

– А что ты строишь? – выдавая безразличие за интерес, Наташа приподнялась на носочках и посмотрела на длинную, широкую доску, от которой пахло осинкой. Подошла ближе и засмушалась, пряча глаза.

– Лавку, – Володя покрутил плечами, как это делают на уроке физкультуры, чтобы размять одеревенелые мышцы, и опять встряхнул головой.

– А зачем? – закусывая нижнюю губу, Наташка начала строить глазки взрослому парнишке и откровенно флиртовать.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – усмехнувшись над детскими наивными жеманностями, Володя опустил свой зад на недоделанную лавку, стоящую на трёх ножках, достал из кармана трико пачку сигарет и прищурился, окинув карими глазами школьную форму девочки. – А ты почему не в школе? – поднёс к лицу зажжённую спичку.

– Не хочу, – Наташа заложила руки за спину и шагнула вправо, к небольшому яблоневому садику.

– Как это? – парень вытер тыльной стороной руки лоб, а потом – шею и покосился на школьницу.

– Легко, – с каким-то томным выдохом произнесла Наталья, прохаживаясь вдоль цветущих деревьев, источающих удивительно приятный аромат.

– А ты смелая, – сделав затяжку и тут же выпустив кольцо дыма, Вова вспомнил последнюю встречу с девчонкой. – Только не до конца.

– Да, смелая, – подтвердила соседка, повернувшись к Володе. Поставила ноги крестом и покачалась взад и вперед, будто готовится к прыжку.

– У нас в субботу праздник намечается, – сделав глубокий вдох, выпустил дым и поднялся, плюнув при этом на красный уголёк окурка. – Придёшь?

– Угу, – Наташа только этого и ждала. Так хочется иметь взрослого парня, чтобы все обзавидовались.

– Точно придёшь? – Володя открыл коробку с гвоздями и приготовился продолжить начатую работу.

– Не веришь?

– Ловлю на слове, – приладил гвоздь к нужному месту и стукнул молотком по шляпке.

Наташа поняла – пора уходить.

– А что за праздник-то? – сделав два шага к калитке, обернулась.

– Проводы. Слышала о таком? В армию меня забирают, – не отвлекаясь от работы, Вовка ударил ещё два раза.

– Ну бли-и-ин, – настроение упало ниже плинтуса. Открыв калитку, Наташа сделала ещё несколько шагов и вновь обернулась.

Какой же всё-таки Вовка классный, глаз не оторвать. Широкоплечий, мускулистый, весёлый, наконец. Задумчиво отметила внешние достоинства и поплелась к дому.

– Сейчас приду, а там – тоска зелёная... – борясь с нежеланием возвращаться, девочка топала по дороге (решила не сокращать, чтобы подольше побыть с собой наедине). – На проводы пригласил, – шептала себе под нос, глядя на чёрные мысы туфель, покрывшиеся тонким слоем пыли. – На два года?

Наташа знала, что ребят забирают на два долгих года. Видела, как девушки, провожающие свою любовь в дальний путь, плакали и крепко обнимали юных парней. Ждали их возвращения, а кто-то не ждал, уезжал учиться и привозил из города новую любовь.

– Так-то он мне нравится, – рассуждала Наташа, представляя перед глазами чернобрового Володю. – Но два года...

Она уже вовсю чувствовала себя его девушкой, считала, что просто обязана дожидаться, писать письма и сидеть целыми днями в своей комнате. Подходя к дому, уже успела вообразить себя женой, носящей фамилию Калинина.

– Наташа! – голос с противоположной стороны улицы был чем-то встревожен.

Повернув голову, Наташа увидела Люду.

– Тебя папа искал! – соседка подкинула благую весть.

– Папа? – прикинув, который сейчас час, Наташа ответила подруге в довольно-таки грубой форме и тут же задала вопрос, – а ты почему не в школе? Прогуливаешь?

– Вообще-то, я болею, – прижав пальцы к шарфу, намотанному вокруг шеи, Людмила покашляла.

– Ври дальше, – махнув рукой, Наташа направилась к двери.

Войдя в дом, сразу нарвалась на злющего отца.

– Какого чёрта?! Ты где шляешься?

«Значит, уже обед», – промелькнуло в голове девочки.

– Тебя зачем домой из школы забрали?! – Фёдор сидел за кухонным столом и морщил нос, будто в доме чем-то воняло. – Это я должен делать, или кто?

Он кричал надрывисто, выплёскивая негативные эмоции и навязывая взрослые обязанности на хрупкую девочку.

– Быстро нагрела воды и пошла мыть бабку! В доме не продохнуть! Я открыл окна, а толку! – папа скривил лицо, будто его сейчас стошнит.

– А почему я? – возмутилась Наташа, снимая туфли.

– Ты совсем с головой не дружишь?! – ещё громче заорал взбесившийся отец и вскочил на ноги. – Она женщина!

– И что? Я тоже... – что-то не то лягнула Наталья. Впервые в жизни поставила туфли рядом с остальной обувью в конец ряда и зашагала в свою комнату.

М-да-а, в доме действительно стоит такая омерзительная вонь, будто пару минут назад здесь кто-то сдох и разложился. Натянув рукав на кисть, девочка приложила руку к лицу. В комнате её ждало продолжение скандала с отцом. Не успев закрыть за собой дверь, Наташа отпрыгнула в сторону, так как отец рванул дверную ручку от себя, и дверь распахнулась настежь.

– Ты оглохла?! – встал в проёме, дрожа от гнева. – Ставь воду, я сказал!

– И не собираюсь, – содрогнувшись от яростного крика и обезумевшего отца, Наташа присела на кровать.

В эту минуту в прихожей стукнула закрывающаяся входная дверь – это и спасло девочку от отцовской истерики. Скорее всего, он мог бы даже и ударить, потому как выглядел, как сумасшедший: его выкатившиеся из орбит глаза вот-вот выпадут и покатаются по старенькому советскому паласу.

– Федя, ты дома? – Анфиса переступила порог и заметила ботинки мужа. – Как там Нина Антиповна?

Отец моментально развернулся и выскочил из комнаты встречать жену.

– Ты ничего не чувствуешь?! – он еле сдерживал озлобленный тон, чтобы не накричать на жену. – Такой шмон стоит, хоть топор вешай!

– Так говорят, когда в доме дымно. – поправила раздражённого мужа Анфиса. – Чувствую, у нас что-то протухло, – ответила спокойным голосом и сняла обувь.

– Она вся обосралась! А эта!.. – вытянул руку на дверь комнаты, где живёт дочь. – Сбежала и бросила свою любимую бабушку гнить заживо!

– Так, подожди, – Анфиса пришла пообедать, а не выслушивать истерики зрелого мужика.

Не торопясь, помыла руки, вытерла их и заняла табурет, на котором недавно сидел Фёдор.

– Кто сбежал? Куда? – её лицо казалось безразличным, но это всего лишь усталость.

– Дочь твоя! – лицо Фёдора покраснелось от перенапряжения.

Анфиса перевела взгляд на сторону и негромко позвала Наташу. Девочка вышла из комнаты.

– Я за домашним заданием ходила, – проямлила и опустила глаза в пол.

– Врёшь! – взъерепенился Фёдор. – Тебе до уроков никогда дела не было!

– Можешь проверить, – прошипела Наташа и быстро удалилась к себе.

– Пожрать не приготовлено! А мне через полчаса на работу! – отца трясло, как потерпевшего после наводнения или ещё чего.

Анфиса поставила ведро с водой на плиту, зажгла конфорку и заглянула в холодильник.

– Так суп есть, – вынула пятилитровую кастрюлю с гороховым супом.

– Позавчера гороховый! Вчера гороховый! Ты не можешь приготовить что-нибудь другое?! – натянув растоптанные боты, Фёдор с треском захлопнул за собой дверь и вышел на улицу. – Столько баб в доме, а пожрать нету!

Второпях спустился с крыльца, чуть не упав с третьей ступени, и побрёл на пилораму, слушая голодное бурчание в пустом брюхе.

Анфиса нисколько не расстроилась. Пусть идёт. Привык, чтобы ему подавали каждый день свеженькое, а чтобы помочь – ума не хватает. Эх, избалован Федя разнообразными блюдами своей мамочки. То пирожки, то пельмешки с ароматным жаркое. Анфисе особо готовить некогда, приволочёт с фермы ноги и спешит в сарай – кормить скотину и доить корову. Ока-

зывать помощь по хозяйству Фёдор не может, устал, видите ли. А Анфиса не устаёт. Она ж баба, ей положено тащить дом на себе...

Проведав свекровь, Анфиса поправила ей одеяло, подала питьё.

– Ну, как ты? – присела рядом, ощущая всеми фибрами кожи изнурительно едкий запах, исходивший от старушки. – Сейчас вода согреется, и помоемся.

Бабуля смотрела на невестку с каменным лицом, не пыталась сказать что-то, не поднимала руки, лежала, как статуя – неподвижно. Ещё никогда не приходилось мыть лежащего больного, но Анфиса справилась. Будто чутьё ей подсказало, а может, мышечная память, или как это называется? Это всё равно, что подмывать ребёнка, только большого, взрослого. Не составило трудов и переодеть, подложив под пятую точку сложенную пелёнку на крайний случай, если Нина Антиповна захочет в туалет. Все процедуры старушка перенесла стойко, без мычания и отталкивания от себя нелюбимой невестки. Много рассказывали женщины деревни, когда им приходилось переживать роль сиделки. У кого-то старичок кусался, хотя и был «похорошему» парализован, у кого-то бабуля больно щипала помощника за руки и визжала, будто её разделяют на куски, ну а Нина... Только смотрела за движениями и соблюдала тишину.

– Ну, вот и всё, – ласково улыбнулась Анфиса, накрывая тёплым одеялом безмятежную свекровь. – Сейчас будем обедать.

Наташа не выходила из своей комнаты. Она подслушивала за стенкой и морщила нос, представляя, как мать убирает с ног бабули экскременты. Сидела на кровати, приложив к коврику ухо, и рисовала в голове отвратительную картину.

– Наташа! Послезавтра приезжает дядя Игорь с семьёй! Будь добра, сходи в магазин! Надо подготовиться к встрече родственников.

О, круто! Брат отца приезжает... Он такой прикольный, весёлый, юморной. Наташа быстро переоделась, взяла у матери деньги, список и побежала в магазин. Как же ей нравилось ходить по магазинам, можно оставить сдачу себе тайком от матери, потому что она не позволяла брать больше копейки. А что это – копейка? А вот бабуля давала двадцать, а то и тридцать, чтобы любимая внученька складывала денежку в свинью-копилку, которую ей подарил дядя Игорь и тоже внёс материальную лепту в виде рубля.

– Класс! – с подскоком спешила за покупками. – Дядька тоже денег подкинет. Жаль, что приезжает раз в год... – и тут она остановилась. – Послезавтра же суббота...

Радостное настроение рухнуло. Что же делать? Хочется и с дядькой время провести, и к Володе сгонять на праздник. Поплелась Наташа в магазин понурая и даже слегка разозлённая. Сделала покупки, и такая же грустная вернулась домой.

– Мам, а дядя Игорь надолго приезжает? – положила авоську на табурет и села рядом.

– На один день, а что? – Анфиса крутилась у плиты, озабоченная обедом на скорую руку.

– Да нет, ничего, – поставив локти на стол, девочка подпёрла руками щёки.

– Ты что-то хотела? – мать сразу поняла – Наталья не задаёт вопросы просто так, у неё есть свой интерес.

– Да так... – уставившись в окно, Наташа горестно вздохнула.

– Говори, я же вижу, – улыбнувшись, мама накрыла кастрюлю с кипящим картофелем алюминиевой крышкой и встала около Наташи.

Наталья состроила скорбящую мину, положила руки на стол и ещё раз вздохнула, но уже не так печально.

– Меня пригласили на праздник.

– Надо купить подарок?

– Наверное, – пожав плечами, дочь взяла маму за руку. – Я ещё не была на проводах...

– Каких ещё проводов? – смутилась Анфиса.

– Володю, нашего соседа, в армию забирают.

– Не поняла, – Анфиса нахмурила брови-ниточки. – А ты-то тут причём?

– Меня пригласили... – ну вот, Наташа заметила, как мама напряглась.

– Вы что, друзья? – голос матери приобрёл строгий оттенок. – С каких пор? – Анфиса сжала губы, пронзительно уставившись в глаза девочки.

– Он мой парень, – твёрдым голосом ответила Наташа и встала на ноги.

– Сядь! – на этот раз Анфиса рыкнула так, что разбудила бабушку.

Нина открыла глаза и начала прислушиваться к постороннему разговору.

– Он взрослый мужик, а ты ещё соплячка!

За спиной послышалось шипение. Из кастрюли потекла пена, заполняя пространство вокруг конфорки и растекаясь по эмалированной поверхности газовой плиты.

– Ух, – Анфиса развернулась и взялась двумя пальцами за пробку из-под шампанского, которую специально заточили под размер петельки крышки и засунули туда.

Взяв алюминиевую столовую ложку, женщина второпях сняла пену.

– Если отец узнает... – Анфиса открыла банку с ГОСТовской солянкой. – Получишь по первое число.

– Мне не три года. Я могу решать сама! – психанула девчонка и убежала в комнату.

– Поори мне ещё на мать, – выгребая солоноватую капусту из поллитровки, Анфиса была уверена, что дочка не посмеет пойти к взрослому парню в субботу.

Да и странно всё это, семья Анфисы никогда не имела дружеских отношений с соседями Калининными. Здрасьте – до свидания – и на этом всё. Отец Володи слишком напыщен и высокомерен, чтобы заводить дружбу с простыми работягами. Куда уж Фёдке с Анфиской до бригадирского плеча?

Глава 4

Настал день X.

Суббота.

После школы Наталья вернулась домой вся такая живая, энергичная, окрылённая. Прибежала, быстренько пообедала и спряталась в своей комнате. Врубила бобинник и встала в центре паласа, отбросив к двери домашние тапочки. Прикрыв глаза, начала покачиваться в разные стороны, словно тоненькая берёзка в осеннюю непогоду. Наташа мысленно перенеслась куда-то далеко-далеко, за границу, ясно представляя Эйфелеву красавицу, окутанную вечерними огнями, Биг-Бен с огромным циферблатом, впаянным в высоченную башню (говорят, это самые точные часы в мире), титанических размеров женщину с факелом в руке... Мамочки, как прекрасна наша планета. Каких только чудесных мест существует в мире...

Из магнитофона доносился голос Аллы. Певица пела и тянула высокую ноту, изображая весельчака Арлекино со счастливым лицом. Наташа взмахивала руками, ступала по паласу приставными шагами и широко улыбалась, повторяя по памяти плавные движения и мимику Пугачёвой из нашумевшего клипа 75 года. Закончился первый куплет, потом припев, и на всю комнату разлился задорный смех, записанный на плёнку. Девочка повторила оглушающее «Аха-ха-ха! Ха-ха! Ха-ха! Ха!», закинув голову назад.

– Наташа! Выключи этот чёртов магнитофон! – из соседней комнаты судорожно закричала мать. – У тебя совесть есть?!

Повернув ручку громкости до минимума, обиженная девочка села на кровать и надула губы.

– И зачем ты только больничный взяла? – прошипела в ответ так тихо, чтобы Анфиса не услышала. – Как вы мне все надоели. Это нельзя, то не бери, туда не ходи... Кстати, а почему дядька не приехал?

Подошла к двери, легонько приоткрыла, просунула голову в небольшую щель и заискивающим голосом спросила:

– А во сколько дядя приедет?

– Как выяснилось – ночью, – утверждающе ответила мать, лёжа на диване. – А может, и вовсе не приедет. У него семь пятниц на неделе, – раздражённо добавила и поправила влажное полотенце на лбу.

– Вот и здорово, – обрадовалась Наташа, плотно закрывая дверь. – Одним ударом двух зайцев.

Переоделась, спрятала в кармане губную помаду, которую купила на днях в привозной лавке и поспешила к выходу.

– Куда? – Анфиса услышала шорохи в прихожей.

– К Катьке Ивановой! Мы будем к урокам готовиться! – натянула туфли и только хотела выйти, как мама дала строгое напутствие.

– Только недолго! К вечеру чтобы была дома! Отец приедет, надо что-то приготовить, а у меня сил нет, – приложила руку ко лбу и закатила глаза.

– Угу, – промычала Наташа и выскользнула в сени.

Здорово! Мать не заметила, как Наталья выбежала из дома без сумки. Ай, если что, можно сказать: «Войну и мир» читали, штудировали ответы на вопросы, которые нужно записать в тетрадь... Она всё равно ничего не поймёт. Тысячу лет не заглядывала в дневник.

Девчонка прикрыла калитку, вышла на дорогу и зашагала по ухабистому пути, как модель по подиуму, ровненько так, будто идёт по прямой линии. Не особо выходило ставить ножку пяткой к мыску из-за неопытности, поэтому девочка спотыкалась и загребала мысом туфли придорожную пыль вместе с песком. Неприятное ощущение настигло Наташу, когда

крупницы кем-то просыпанного песка начали просачиваться под ступню. Остановившись, девушка сняла туфлю, вытряхнула бежевые мельчайшего размера камешки, стоя на одной ноге, надела обратно и повторила тот же приём со второй ногой.

– Праздник вечером, а сейчас только четыре, – взглянув на наручные часы, купленные уже нелюбимой бабушкой, Наташа пораскинула мозгами. – И куда теперь? К Катьке, как сказала матери? Не получится, она к своей бабке в соседнюю деревню собиралась. К Аньке? Угу, эта завистница про меня гадости в школе распускает... Ай, прогуляюсь до озера – скоротаю время.

Свернув на перекрёстке направо, потопала к Малиновке, резво размахивая руками. До озера рукой подать – чуть больше километра. Пешком дойти, как плюнуть. Через девятнадцать минут Наташа была на месте. Пройдя мимо поля по вытопанной коровами дороге, затормозила, учуяв запах дыма костра. Интересно, кто разводит костры в такую рань? Обычно их разжигают поздно вечером, чтобы запечь мелкую картошку и поджарить на прутике чёрный хлеб. Пришурившись, заметила три полураздетые фигуры под плакучей ивой. Вдруг заиграла лёгкая музыка, но, по-видимому, такой репертуар не по нраву отдыхающим – мелодичные напевы сменились ярким треском и обрывками фраз медлительного диктора. Ещё щелчок, ещё – и вот из белой пластмассовой коробки голосит хор писклявых бабок.

– Да выключи ты его, только батарейки зря посадишь, – парень в синих трико с вытянутыми коленками достал из кармана пачку папирос и закурил от потрескивающих языков костра. – Сыграй лучше.

– Какую? – второй, чуть пониже ростом, подошёл к дереву и наклонился. В его руках оказалась гитара. Присев на песчаный берег, молодой человек провёл большим пальцем по натянутым струнам, наклонил голову, будто прислушивается к множеству звуков, покрутил пару деталей на конце грифа и ещё раз погладил большим пальцем две нижние струны, цокнув при этом языком.

– Девочку?

– Угу, – отозвался третий, сидя на корточках и ковыряя палкой в кострище.

Парнишка кашлянул два раза, сплюнул через гитару в травянистый покров, сильно ударил несколько раз кулаком в свою мощную грудь, наклоня голову пониже (странный какой-то), и пальцы правой руки забегали по музыкальным нитям, похожим на рыболовную леску.

– Плачет девушка в автомате,

Сделав паузу, пристально посмотрел на своих друзей застывшими глазами.

– Кутаясь в зябкое пальтецо,

Кивнул тому – с вытянутыми коленками – и тут же получил сигарету в зубы. С удовольствием затянулся, держа губами белёсую отраву, встряхнул густой, цвета вороньего крыла шевелюрой и выпустил через ноздри вонючий сигаретный дым.

– Вся в слезах, и в губной помаде

Перепахканное лицо-о-о-о.

Двое подхватили припев и спели в унисон, протягивая букву «о» до последнего глотка кислорода в лёгких.

– Вся в слезах, и в губной помаде

Перепахканное лицо-о-о-о...

(стихи А. Вознесенского)

Наташа смотрела на парней, не узнавая, кто из них кто, и слушала их красивые до умопомрачения голоса. Боже, как они поют! Заслушаться можно... Она стояла как вкопанная, вытя-

нув шею и открыв рот. До ребят метров двадцать, и надо бы уйти, но она не смогла совладать с собой. С недетским интересом рассматривала полураздетых красавчиков и краснела.

– Наливай, чё сидим, – предложил выпить тот, что сидит у костра. – До стола ещё три часа...

Гитарист переложил музыкальный инструмент подальше от воды и с трудом поднялся на ноги.

– А вот и девочка! – произнёс игриво, заметив остолбеневшего подростка. – Иди сюда, чё ты, как неродная! – подозвал к себе.

– Это же Володя... – не своим голосом прошептала Наташа, узнав в мускулистом гитаристе соседа. – Он ещё и поёт? Вот это голос...

Сняла туфли и подбежала к весёлой компании.

– Привет! – встала рядом с Вовой, который уже вовсю копошился в матерчатой сумке. – А ты почему здесь?

– Отдыхаем, – ответил парень, вытащив бутылку портвейна и гранёный стакан. – Будешь?

– Не-е, – сморщилась Наташа, отпрянув от спиртного.

– И правильно, – в сумке нашлась литровая банка с яблочным компотом. – Держи, – сунул в руки соседки и развернулся к друзьям.

– Илюх, возьми там... – намекнул на сумку, – огурцы, хлеб – всё, что есть, и раскладывайте.

Вова подошёл к расправленному на берегу тонкому покрывалу, предложил Наташе присесть, а сам шагнул к воде. Положил бутылку в воду, подальше от берега, и присоединился к своим друзьям.

– А праздника не будет? – Наташе стало грустно. Что это за торжество, когда нет застолья и танцевальной музыки?..

– Я же сказал, вечером, – казалось, Вова пожалел, что пригласил малолетку на свои проводы. – Сань, сколько сейчас? – нетерпеливо задал вопрос местному парнишке.

– Пять. Без пяти, – отозвался Саша и выпрямился, чтобы расходиться. Ноги совсем затекли.

– Пять, значит, – Вова прилёг на согретое весенним солнцем покрывало и уставился в ленивые кучевые облака, проплывающие по голубому, спокойному небу.

– Да не приедет она, – Илья переместил продукты на середину «скатерти», – нашёл, кого ждать.

– Не твоё дело, – промямлил чем-то загруженный Володя, не сводя глаз с воздушного облака, так похожего на спящую собаку.

– Ну, как хочешь, – Илья отвлёкся на молчаливое радио.

Вдруг издалека, с дороги, послышался женский смех и радостные возгласы.

– А вот и мы-ы!

Наташа вытянулась и полюбопытствовала, кто это «мы». К притихшей компании приближались две незнакомые девицы со странными причёсками и в коротких шортах. Наташа почувствовала подвох. Сердце затарахтело, как тракторный мотор: пять негромких ударов – толчок, и вновь пять негромких – толчок.

– А кто это? – девчонка начала соображать, почему Вова грустит и кто эти приезжие.

– Ты иди домой, ладно? – лицо соседа засияло от счастья. Глаза блестели какими-то загадочными искорками, а на щеках проступил стеснительный румянец.

– Почему это? – ревность пробудилась в детской, не нюхавшей настоящей жизни душе. – Никуда я не пойду, – сказала твёрдым, уверенным тоном и устоялась на взрослых девок, которым оставалось пройти метров шесть-семь.

«И кто же из них та, которая притащилась неизвестно откуда к моему Володе?» – злость нарастала с каждым быстрым шагом незнакомок. Наташа сдерживалась, чтобы не кинуться на бессовестных стерв, посмевших нарушить её и Володин покой.

Девушки подходили всё ближе и ближе, напрягая рассердившуюся Наташу. В её груди полыхало, болело, жгло. Моментально захотелось плакать, накричать на Володю, послать всех куда подальше и убежать домой, в свою комнату, чтобы разрыдаться под современную музыку, самую грустную.

– Привет ещё раз, – девушки наконец-то достигли цели. Поздоровались, жеманно похихикали, окинув быстрым взглядом присутствующих.

– Так, – самая эффектная посмотрела сначала на Илью, оскалив свои кривые зубы, а после – на Сашу, – с Илюшей мы знакомы...

Фу, ну и голос! Какая же она писклявая.

– А Вас как зовут? – её толстые губы, намазанные чем-то блестящим, раздражали ещё больше.

– Александр, – отозвался молодой человек, продолжая «мучить» костёр.

– Ага, – раздражительница посмотрела на Наталью, – Вас?

Наташа прищурила глаза и засопела. Челюсти сковало от переживаний – эта лахудра уведёт Володю, как пить дать – уведёт.

– Наташа она, – долгая пауза измучила Вову, и он предложил присесть.

– А меня – Марта, – с какой-то издёвкой сказала полуголая девица и совершила поклон с приседанием.

Будто издевается.

– Очень приятно, – сказал Саша безразличным голосом.

Володя сел, расправил примятое покрывало и предложил своё место Марте. Её подруга оказалась молчаливой. На её бледном лице так и читались неловкость, стеснение, разочарование. А вот у Марты совсем другое, широкое, вернее угловатое. Глазки-щёлочки посажены близко, нос прямой, а губы, как у папуаса – толстые, выпирают вперёд. Единственное, что в ней могло привлечь, так это фигура. Да-а, пропорции – что надо. И попа, и груди, ноги... А какой красивый маникюр на её длинных пальцах! Волосы подстрижены, на макушке огромный начёс, над ушами расположились чёрные заколки-невидимки, на правой руке браслет из слоновой кости, на левой – часики с кожаным ремешком, а на шее, кажется, золото? И в мочках ушей?... А нет, в ушах – клипсы с огромными обручами, которые крутят на талии девочки во время урока физкультуры.

Наташа рассмотрела каждую деталь на этой вульгарной особе, ничего не упустила. На вторую девушку даже не взглянула. Она не представляла никакого интереса. Общим подругам на вид лет восемнадцать, не больше.

– Валерия, присаживайся, не стой, – Марта подозвала подругу.

Чего? Валерия? Ещё одна долбанутая... И откуда вы такие припёрлись? Одна с мужским именем, вторая – с весенним.

– Ты моя весна, – услышала Наташа шёпот Володи.

Он вытянул губы и прислонился к уху Марты. Сказал очень тихо, но Наташа услышала.

«Господи, какая нафиг весна? – Наташа не сводила глаз с влюблённой парочки. – Собачья кличка...»

– Ну что, пора накатить! – ох как Калинин повеселел, готов из штанов выпрыгнуть.

Вытащил из озёрной воды охлаждённый портвейн, обтёр сухой рукой и открыл. Наливая в грибатый стакан спиртное, хитро косился на Марту.

– Ты первая, – протянул ей вонючее угощение.

К Наташиной неожиданности Марта сразу выпила ужасный напиток и не поморщилась. К тому же отказалась от компота, который помог бы избавиться от кислого привкуса.

– Кто следующий? – Вова наклонил горлышко бутылки в стакан.

– Я! – Валерия подняла руку, как в школе.

О, и эта туда же.

Повторила тот же приём, но выдохнула с таким отвращением, будто из её горла вырвалось пламя. После девчонок выпили и ребята.

– Жарко, – протяжно сказала Марта и замахала рукой над лицом, откинув голову назад.

– Пойдём купаться? – Володя провёл пальцем по руке Марты, от плеча до локтя, и помог подняться.

Голова опьяневшей девушки пошла кругом от резкого рывка.

– Ха-ха! – расхохоталась она и набросила руки на шею Вовы.

Раскрасневшись, Наташа сжала губы и нахохлилась. Глядя на Марту, как она раздевается, чтобы искупаться, резко встала на колени и грозно рявкнула:

– Я тоже буду!

Стянув штанину с левой ноги, Володя обернулся.

– Что будешь?

– Пить! Наливай! – девочку одновременно трусило и выворачивало от злости.

– Ну-у, – стянув вторую штанину, Вова отправил просьбу Илье:

– Налей ей жигулёвского. Оно там, – показал рукой в сторону зелёного куста, – в воде.

– С ума сошёл? – Марта поправила лямки белого лифчика. – Она ж ещё маленькая.

– Не твоё дело! – сжав кулаки, Наташа вскочила на ноги. – Тебя забыли спросить!

Собираясь войти в воду, Марта обернулась и сказала с кривой ухмылкой:

– Мне-то что, – подошла к кромке, затянутой тонкой плёнкой тины, сунула пальцы ноги и побултыхала, разгоняя болотного цвета муть. – Хоть упейся, только вот... – вошла в воду по пояс и провела ладонями по водной глади, готовясь к заплыву. – От мамки тебе попадёт! Да и Володе тоже, – наклонилась вперёд, опуская живот в «парное молоко», и развела руками, разгребая перед собой водное препятствие. Над ступнями поднялся всплеск, раскидывая искристые брызги. Марта поплыла по-лягушачьи.

– Вов, – Илья с недоумением посмотрел на наблюдавшего за плывущей девушкой друга. – А правда. Ей и шестнадцати нет...

– А я тут при чём? – тело Володи заиграло мускулами, разминаясь перед прыжком. – Хочет, пусть пьёт.

Встал в позу, способствующую к разбегу, и рванул с места с криком: «А-а!»

Илья помялся немного, поразмышлял, представляя поддатую малолетку, идущую домой, а потом и её родителей с ремнём в руках и диким ором, да и плюнул.

– Действительно, а мы тут при чём? – снял шлёпанцы, прошёлся по берегу и забрёл в кусты вербы.

Пошарил рукой по илистому дну и, найдя бутылку, улыбнулся в своё отражение. Наташу обуял мандраж. Она ещё ни разу не пробовала взрослый «компот» (как бабушка называет пиво и вино). Но отказываться не хватило смелости. Наблюдая трусливыми глазами, как Илья открывает бутылку, приготовилась продемонстрировать свой возраст, мол, какая нафиг малолетка? Смотрите, как я могу!

– На, – парень отдал шипящий напиток потерянному подростку и отошёл к воде.

Саша, сидящий у костра, смотрел за Ильёй и Наташей, не встречая. Это тоже не его дело. В няньки он не нанимался. Прислонив стеклянный край горлышка к губам, Наташа зажмурилась и подняла бутылку кверху, не рассчитав угол наклона. Кисловато-горькая пена полилась в приоткрытый рот, по щекам, шее. Стало омерзительно неприятно от липкой, прохладной жидкости, но самоуверенная Наталья устояла перед соблазном отказаться от глупой затеи – пить спиртное. Осушив половину бутылки, девчонка опустила руку и громко рыгнула, выпуская

лишний воздух из желудка. В горле возник отвратительнейший привкус. Её чуть не вырвало, но она сумела удержать рвотный позыв, зажав рот рукой и глубоко дыша через нос.

– Э! – вдоволь накупавшись, Володя поспешил на берег. – У нас всего две бутылки!

Вылез из воды, попрыгал на одной ноге, и похлопал ладонью по уху, чтобы выбить капли воды из ушного канала.

– Забери у неё! – встряхнул головой, приблизительно как делают собаки, чтобы стряхнуть лишнюю жидкость с волос, подскочил к покачивающейся Наташе.

Девчонку накрыло моментально. От духоты и с непривычки пиво проворно распустилось по детским венам и ударило в голову кувалдой.

– И зачем ты сюда пришла? – поддерживая её одной рукой за талию, другой – под спину, Володя всматривался в помутневшие зелёные глаза, зрачки которых приобрели рыжеватые лучики, исходящие из расширенного зрачка.

Выражение лица молодой девчонки изменилось: мышцы расслабились, и Вова это заметил. Она такая безмятежная, умиротворённая. Её пухлые губки вытянулись вперёд так по-детски, как будто Наташа обижена на кого-то, а щёчки... Только сейчас Владимир подметил, какие у неё прекрасные щёчки. Оказывается, на них есть ямочки, премиленькие ямочки, похожие на две короткие полоски, нисколько не портящие красоту лица, а, наоборот, придающие определённый шарм.

«До чего же ты очаровательна» – подумал Вова, не сводя глаз с несовершеннолетней красотки.

Наташа словно прочла мысли красавчика-соседа и распахнула ресницы пошире. Надо же, Вова ещё никогда не был так близко к Наташе, лицом к лицу, у неё и ресницы шикарные: длинные, чёрные, их кончики будут завиты наверх, к бровям. А брови какие пушистые... Изогнуты аккуратной дугой, ровные, волосок к волоску. Володя рассмотрел обворожительное личико до мельчайших подробностей и уставился в зелёные глаза, в которых отражалось его счастливое лицо. Почувствовав незнакомое ощущение в животе и груди, Наталья задышала часто-часто и обхватила руками мокрую шею симпатичного брюнета. Вовка содрогнулся и, не помня себя, потянулся губами к губам неопытной малолетки.

– Володя! – рявкнула Марта, выходя из воды и сжимая пальцами промокшие волосы. – Ничего не хочешь мне объяснить?

Придя в себя, парень нахмурил брови и отпрянул от тела. Посадил Наташу на покрывало, внимательно посмотрел ей в глаза, затем – на друзей и опешивших девушек. Выпрямился и сказал непонятную фразу с серьёзным видом, без капли иронии:

– Сань, забирай. Она твоя.

Илья насторожился. Он прекрасно знал, о чём речь. Выжав волосы, Марта подошла к Володе и игриво обняла руками, закинув одну ногу на его бедро. Володе стало противно, отпихнув от себя нагловатую девушку, заговорил на повышенных тонах.

– Я всё знаю, можешь не стараться!

– Ты о чём? – Марта села на покрывало и покосилась на Наташу, которую начало мутить. – Бутылку подними, – произнесла с укором, глядя на разлившееся пиво на покрывале.

– Чёрт! – Володя подбежал и поднял тару, но она была пуста. Вонючее пойло впиталось в ткань, оставив намёк на скандал с матерью. – Застирать надо.

– Пусть она и стирает, – ехидно сказала Марта, откинувшись на локти. – Деревенская свинья...

– Что ты сказала? – услышав ругательства в адрес Натальи, Володя вскипел. – Извинись сейчас же!

– И не подумаю. И вообще, что с тобой происходит? Я так спешила сюда, к тебе... – сделала обиженное лицо, будто вот-вот заплачет.

– Не кривляйся, – прошипел внезапно взбесившийся парень, – зря я надеялся... – подошёл к Наташе, убедился, что ей плохо, ополоснул стакан и наполнил его компотом. – На, станет легче.

Не понимая, что с Володей, Валерия придвинулась к подруге и зашептала:

– Поехали домой.

– И не подумаю, – любимая фраза набила оскомину.

– Да, Лера права, возвращайтесь, – Вова поил ослабевшую соседку.

– Я абсолютно свободный человек, как решу, так и будет, – Марта сопротивлялась чужой указке. – И ты мне не можешь приказывать.

– Плевать, – Володя поднял на ноги Наташу, и тут её стошнило.

– Фу-у, свинья, – поморщилась Марта, – то-то вы за городскими бегаете, потому что ваши – полный отстой.

Илья, наслушавшись идиотских высказываний насчёт деревенских девчонок, вступил в ничего не значащий разговор.

– Правильно, Вов, пусть валят, – взял гитару и полупустую сумку. – Пошли домой. Нас там заждались, я думаю...

Володя подвёл пьяную Наташу к воде, умыл её и посадил на траву.

– Сейчас домой поедем, – шепнул обессиленной девчонке и сразу попросил Илью пригнать «Урал».

Илья нехотя согласился, вытащил из кустов свой велосипед и поехал за мотоциклом. Костёр потихоньку догорал, расплавляя картофельные клубни в стучках пепелища. Видимо, о запечённом картофеле забыли, и ему приходится «умирать» погребённым под тлеющими обломками берёзовых веток. Саша смотрел сквозь угасающее пламя и думал о своём. Как всё глупо получилось. Скорее всего, Вова узнал о нём и Марте, раз уж выпалил такое... Как он мог узнать? Саша никому не говорил, что произошло неделю назад, когда он ездил в город и тайно встретился с его девушкой. Марта рассказала? Не может этого быть, она не такая. Тогда кто? Переведя отрешённый взгляд с красных угольков на Валерию, Саша замер. Она так пронзительно смотрела на него, будто развела глазами. Сразу стало понятно, Марта поделилась сокровенным с подругой, и та, возможно, доложила Володе.

– Вов, Вова, – поднимаясь на ноги, Саша окликнул друга, сидящего на траве рядом с засыпающей Натальей. – Подойди сюда, пожалуйста.

– Тебе надо – ты и подойди, – огрызнулся Владимир, не выпуская из рук плечи полусонной соседки.

Желание поговорить испарилось. Саша не желал задавать взрослые вопросы при несмышлёной малолетке. Прошло уже больше двадцати минут, а Ильи всё ещё нет. Вова нервничал из-за нерасторопного Ильи и вялой Наташи, которую нужно срочно положить спать, иначе придётся сидеть с ней здесь, на берегу Малиновки.

Вдалеке затарахтел «Урал», и Володя обернулся. Да, это был Илья. Он летел на всех парах, чтобы успеть поставить мотоцикл в сарай, иначе отец будет недоволен.

– Сань, собери вещи, – подняв уснувшую Наташу на руки, Володя направился к Илье. – И можешь быть свободен.

– В смысле? – опешил Саша.

– В прямом.

Приезжие девушки переглянулись.

– Придурок, – тихонько сказала Марта, провожая теперь уже бывшего парня грустными глазами.

Попросив подруг подняться, Саша свернул покрывало, собрал посуду, нетронутую еду и отнёс к мотоциклу.

– А как быть с девчонками? – смущённо задал вопрос Володе.

– Теперь это твои проблемы, – с сарказмом ответил Вова, накрывая ноги Наташи кожаным чехлом люльки.

– Володь, ты бы объяснил...

– Любишь потаскушек? А я – нет. Я уже сказал, – сел позади Ильи на мотоцикл, – забирай. Меня огрызки не интересуют.

Илья повернул ключ зажигания, дёрнул ногой педаль и развернул отцовский «Урал». У Саши на душе стало гаденько. Вернувшись к городским дамочкам, напрямик двинулся к Марте.

– Ты зачем растрепала? – его глаза излучали ненависть и тревогу. – Кто тебя просил?

– Я? – Марта застёгивала молнию на шортах. – Ничего я не говорила.

– Тогда откуда он знает? – Саша повернулся к Валерии.

– А я здесь при чём? И нечего на меня так смотреть, – отмахнулась испугавшаяся озлобленного взгляда Саши Валерия.

– Кроме вас, никто не мог... – запнулся и пристально посмотрел туда, где скрылся старенький «Урал».

Разнообразные мысли закрутились в озабоченной голове Александра. Илья, что ли? Да ну-у. Он всегда был скрытным, достойно хранил чужие тайны... Ключевое – «хранил».

Бросив на девушек короткий взгляд, Александр потушил костёр водой из озера, надел футболку и предложил проводить подруг на железнодорожный вокзал.

– Спасибо, но мы сами, – язвительно ответила Марта, досушивая руками промокшие волосы, висевшие сосульками. – Дорогу знаем.

– Как хотите, – встревоженный неожиданной ссорой с лучшим другом Володей, Саша поплёлся на дорогу.

– Надо было в гости напроситься, – жалобно сказала Валерия, провожая глазами симпатичного парнишку, – я такая голодная.

Встряхнув головой, Марта села на корточках:

– Не волнуйся, и поедем, и отдохнём, – её хитрые глаза заблестели, когда ей в голову пришла сумасшедшая мысль.

– Электричка будет через три часа, – Валерия ощущала голодную боль в желудке. – Надо было хотя бы пирожки с собой взять.

– Я кое-что придумала, – поднявшись на ноги, Марта отряхнула руки, как будто испачкала их в песке, и загадочно улыбнулась. – Сейчас мы с тобой сходим в магазин, а потом – в гости.

– К Саше? – обрадовалась Валерия.

– Нас же на праздник пригласили? – взяла подругу за руку и повела за собой.

– Ну да, только вот праздник накрылся...

– Это ты так думаешь. А мы сейчас купим подарок и придём как ни в чём не бывало.

– Да ну! Стыдно как-то! – Валерия остановилась и выдернула руку.

– Послушай, Лер, – обернувшись, Марта заговорила более строгим тоном. – Не сегодня – завтра, меня выпрут из общаги, и куда я поеду? Целину поднимать? Бабка из квартиры выгнала, денег – в обрез, отец меня порвёт, если я вернусь в деревню с пузом, понимаешь?

– Что-о? – Валерия смотрела на Марту с вытянутым лицом. – Так ты...

Показав пальцем на плоский живот, Валерия захлопала ресницами, пытаясь найти слова утешения, но безрезультатно.

– Да, Лерочка моя, да, – Марта продолжила путь, не замолкая. – Доигралась... Бывает, что ж.

– Может, пока не поздно, сделаешь аборт?

– Если бы всё было так просто...

Девчонки вышли на дорогу, взялись за руки и зашагали в местный магазин.

***

Остановив мотоцикл рядом с парком, Илья посмотрел на спящую Наташу, а после задал вопрос Володе:

– И куда? Если домой повезём – спалимся. Скажут, что мы её напоили. А мне сейчас эти скандалы ни к чему.

– Думаю... – отрезал Вова, напрягая мозг.

– Думай быстрее, пока ни на кого не наткнулись, – торопил взволнованный Илья, озираясь вокруг. – Увидят – сплетен не оберёмся.

– Мои на работе ещё, можно в баню...

– А если не успеет проспать?

– Успеет.

– Угу, сейчас народ соберётся у тебя во дворе, и тут нате вам – из бани выходит малолетка, – съязвил Илья, натирая ладонью ручку газа.

– Не дрейфь, всё будет пучком. Ты только в объезд, не стоит нам с главного подъезжать, давай со стороны огорода, – пояснил Вова, волнуясь из-за любопытных соседей.

Илья крутанул ручку на себя, и «Урал» покатился с горочки. Свернув направо, проехал метров тридцать мимо усадеб, засаженных картофелем, пустых домов, пару фруктовых садов и, наконец, притормозил за Володькиным участком, огороженным специальной сеткой.

– Бери её на руки, а я открою, – заглушив мотор, Илья бросился открывать засов.

Недалеко от бани стояла деревянная будка, где живёт старый лохматый пёс по имени Мухтар. Прячась от жаркого солнца, он спал в своём довольно-таки вместительном домике и никак не реагировал на чужаков. Мог изредка ворчать, шевелить огромными ушами, но, в силу возраста, не охранял хозяйское добро, как это было в молодости. Мухтар похрапывал, сопел, рычал во сне и облизывал влажный, холодный нос.

– А собака? – Илья вдруг вспомнил о крупном Мухтаре.

– Ему пофиг, – вынув Наташу из люльки, Володя понёс её в баню.

Девушка спала, как маленький ребёнок, прижав руки к груди и нежно улыбаясь. Вова не сводил глаз с её миловидного лица. Он смотрел так, как смотрит влюблённый юноша на девушку своей мечты. Илья снял замок с двери бани, который был повешен для вида и ключ от которого давно потерялся, забежал в предбанник, схватил старое покрывало и расстелил на верхней полке. Осторожно положив девушку на жесткий полоч, Володя подумал о подушке.

– Ты посторожи, а я мигом, – побежал в дом.

Завернув за угол дома, резко затормозил. Дверь приоткрыта, в сенях отцовские ботинки...

– А что это он так рано? – взбодораженный Вова тихонько вошёл внутрь и позвал отца. – Па-ап!

– Я здесь! – откликнулся папа из комнаты. – Иди сюда, сынок, поговорить надо...

Напряжённый голос отца немного напряг Володю. Скинув сланцы, на носочках прошёл в комнату. Виктор Петрович сидел на диване в задумчивой позе и в полной тишине.

– Пап, я здесь, – присев рядом, Володя продолжал вглядываться в неподвижное лицо отца. – Я слушаю.

Повернув голову, Виктор тяжело вздохнул.

– Нет, это я тебя слушаю, сынок, – сцепил пальцы в замок и немного покачал им в воздухе.

– Я не понимаю, – вглядываясь в опечаленные глаза папы и затаив дыхание, Владимир искал причину, что такого мог узнать отец, что ему приспичило побеседовать.

Подобные разговоры всегда случались или из-за проказника Генки, или... А-а, теперь ясно – продавщица баба Вера... Ну что за женщина? Язык, как помело.

– Сегодня ты гуляешь последний день... – встал, заложил руки за спину и прошёлся по комнате. – Завтра мы с матерью проводим тебя на вокзал...

Не переставая вздыхать, Виктор обернулся, пристально посмотрел на сына. На его лице заходили желваки, и Володя понял – сейчас будет настоящий мужской разговор между отцом и сыном.

– Не опозорь нашу фамилию, сынок, – вернувшись на своё место, отец взял Вову за плечо и по-мужски, крепко пожал сильными пальцами. – Служи, как положено, слушайся командира. Неси дежурство с ответственностью и не забывай, ты – защитник...

Глаза Вовы вытянулись, брови приподнялись, а губы задрожали, когда он увидел, как у отца заслезились глаза.

– Пап, – обнял родную душу и громко шмыгнул носом. – Всё хорошо будет, пап, – сжал плечи Виктора, заранее затосковав по родному дому.

Тишину разрядили голоса с улицы. К дому будущего солдата подходили гости, громко и весело переговариваясь. Калитка скрипела и яростно захлопывалась, пропуская во двор друзей Володи.

– Ну, всё, иди, – украдкой смахнув скупую слезу, Виктор разжал пальцы и отпустил сына. – Иди, накрывай стол, а я поеду в контору. Задержался я тут.

Поднялся, хлопнул старшего сына по спине и, наконец, заулыбался.

– Мы с матерью мешать не будем. Отдыхайте, веселитесь, а мы в Янтолово, к бабушке съездим.

– А как же... – не успел Володя договорить, как папа дал понять.

– Я сам молодым был. Друзья – превыше всего, и я это прекрасно понимаю. Вернёмся поздно, часов в одиннадцать. А там и посидим все вместе, на кухне, как одна большая семья, – отошёл к двери, чтобы надеть ботинки. – Генку, правда, тебе оставляем. Ты присмотри за ним.

– Спасибо, пап, – растерянно ответил Вова.

Захлопнув за собой дверь, Виктор поправил воротник рубашки и браво зашагал в контору.

– Э-эй! – кто-то постучал в окно с улицы. – Володька! Ты где-е?

– Петруха, – обрадовался Вова и выбежал встречать друзей.

Распахнув дверь настежь, встал голыми ногами на порог и покачнулся, ухватившись обеими руками за дверные косяки.

– Здорова, пацаны! – воскликнул задорным голосом, расплывшись в счастливой улыбке.

– А где музыка? – Пётр демонстративно покрутил головой. – Ни жратвы, ни выпивки.

– Сейчас всё будет спок, – Вова выставил перед собой указательный палец и скрылся в доме.

– Э-эх, ты-ы, служака, – вынув из кармана трико пачку папирос, Петя упёрся плечом в деревянную стену, – к приёму гостей нужно заранее готовиться, – открыл пачку и достал папиросу.

– Спал, наверное, – хихикнул Степан, подкидывая коробок спичек.

– Интересно, один? – включился в шутливый разговор Юра, поправляя ремень на штанах.

– А вот это мы сейчас и узна-аем, – сплюнув на траву, Петя поймал спичечный коробок, подброшенный Степаном, и вынул спичку. – Как там у него с той... ну... городской? – чиркнул спичкой по шершавой полоске.

– Вроде как всё серьёзно, – Стёпа смотрел на папиросу, которую прикуривал Петька.

– Да ну, бросьте вы. Пацану в восемнадцать лет никакие отношения не нужны, – важно сказал Юрик и попросил у Петра папиросу.

– А почему бы и нет? – угостив друга, Петя затыкнулся противным дымом.

– Да ну их, – Юра забрал коробок и махнул рукой. – С ними только свяжись, – прикурил и сделал глубокую затяжку, – после одного поцелуя липнут, как мухи. А одна вообще тут недавно заявила, будто залетела... – поднял голову кверху, выдохнув серый дым, – от меня! Прикинь! Ха-ха! А я-то не дурак! Знаю, какая она шлёндра! Ха-ха!

– Не-е, меня этим не купишь, – Пётр докурил и выбросил окурок на дорогу. – Да и не попадал на таких.

Дверь вновь распахнулась перед лицами беседующих. Володя держал в руках банку с солёными огурцами, пакет с продуктами, тарелки, вилки, а под мышкой – подушку.

– А это зачем? – вытаращив глаза на подушку, ребята усмехнулись. – Чтобы напиться и забыться?

– Да так, простирнуть надо, – всунув в руки Петра продукты, Володя попросил ребят зайти в дом и забрать остальное. – И магнитофон не забудьте!

Рысью побежал в баню. Друзья принялись накрывать стол под цветущими яблонями, пока виновник торжества бегал по своим неотложным делам.

– Ну ты и ходок, – Илья заждался. Сидя рядом со спящей девушкой, он крутил в руке ключ от мотоцикла. – Мне «Урал» отогнать надо, а ты ходишь где-то, – упрекнул друга.

– Да батька задержал, там ещё и наши пришли, – Вова подложил подушку под голову Наташи, – сегодня хата наша, до одиннадцати.

– О, круто! Все пришли?

– Нет, ещё Гришки с Макаром нет.

– Тогда я сейчас по-шустрому мбцик отгону и вернусь, – Илья двинулся к выходу.

– Самогон не забудь! – напомнил Вова.

– Не боись, не забуду, – отозвался Илья, отходя от бани.

Володя сел на нижнюю полку. Провёл пальцами по голому девичьему плечу, потом по тёплой щеке и слегка наклонился.

– Никогда бы не подумал, что могу влюбиться... – коснулся губами прохладной щеки и тут же отпрянул.

– Володька! Ты что там застрял? – к двери приближался нетерпеливый Петя. – Стиркой занялся? – хихикнул с издёвкой. – В армии настираешься! Выходи!

Выбежав из бани, Вова встал перед Петей.

– Чего орёшь? – его губы дрожали, а дыхание было сбивчивым.

– А ты чего такой? – Пётр что-то заподозрил. – Ты чё там делал? – взглянул на открытую дверь бани и только шагнул вперёд, как напуганный Вова остановил его.

– Время идёт. Пошли бухать, – толкнул друга плечом.

– С тобой что-то не то, – Петра так и тянуло заглянуть в предбанник, но Вова поторапливал.

– Уже часов семь, а мы ещё костёр не разожгли, – уходя, Володя оборачивался и поглядывал на баню, параллельно гоня мысли в голове: «Лишь бы не проснулась прямо сейчас. Позже можно будет всё объяснить...»

Стол был накрыт по всем традициям. Ребята успели нарезать сало, разложить огурцы, сосиски, хлеб. Кто-то нарвал без спроса зелени в огороде и положил на огурцы, у кого-то хватило смелости залезть в кухонный шкафчик и достать пшеничную водку.

– А это кто взял? – схватив со стола водку, Володя уставился на Юрку – любителя сунуть нос не только в чужие шкафчики, но и в холодильник. – Ты?

– А что? – раскладывая из кастрюли по тарелкам тушеный картофель, Юра возмутился. – Кто-то против?

– Батька мой против, – язвительно ответил Вова и понёс бутылку ставить туда, откуда её взяли.

– Жмотяра, – шутливо прошипел Юра, сунув ложку с вкусной картошкой в рот. – А мы что пить будем?

– Думаю, у Володьки есть, что нам предложить, а ты не бузи на него, – Степан открыл банку с малиновым компотом, – Виктор Петрович и Володя – два разных человека. Один жмот, а второй – душа человек.

– Да знаю я, знаю, – сморщил нос Юра, поглядывая на окна дома, – отец у него, конечно...
– Т-с-с, Вовка идёт, – предупредил Степан, услышав характерный звук сланцев.

Но это был не Вова. В гости нагрянули очаровательные девушки в компании Гриши и Макара.

– Здорова! – крикнул конопатый Макар с рыжими волосами и протянул руку друзьям. – Смотрите, кого мы вам привели! В магазине встретились!

Юра со Степаном переглянулись, поздоровались с ребятами и улыбками поприветствовали девчонок.

– А где Илюха и Санёк? – поинтересовался Гриша, присев на лавку рядом с Петей.

– А это ты у Володьки спрашивай, они ж его закадычные друзья, – Пётр перематывал ленту бобинника.

– Володя! – Григорий закрутил головой в поисках друга. – Мы уже где-есть!

– Слышу, очень рад, – за домом послышался радостный голос Владимира.

Завернув за угол, Вова никак не ожидал встретить Марту и Валерию, которых он отправил домой после неприятной ссоры. Девчонки стояли у стола и задорно похихикивали, ожидая вкусного ужина.

– А вы что здесь забыли? – ошелбенел Вова при виде непрощенных гостей. – Мы же уже попрощались.

– Поздравить пришли и подарок принесли, – кокетливо заговорила Марта, косясь на парней и покручивая пальцем на столешнице.

Неожиданно на всю улицу заиграла музыка группы «Машина времени». Вову передёрнуло.

– Петь! – крикнул сквозь оглушающую игру гитары Юра. – Сделай потише!

Пётр виновато выкрутил ручку на минимум и положил руки на стол.

– Во-ова-а! – а вот этого вообще никто не ожидал. Из открытой бани на четвереньках выползла Наташа.

– Ничего себе, – прошептал ошарашенный Петя, повернув голову набок. – А она что здесь делает?

Вова ошелбенел при виде «шикарной» картины. Ребята смотрели на девчонку с открытыми ртами, не шелохнувшись. Марта перевела озадаченный взгляд с Наташи, стоящей на карачках, на огорошенного Володю.

– А ты в курсе, что за малолеток срок дают? – положила руку на стол и скрестила ноги.

– А? – под нижней челюстью Вовы приподнялся кадык и сразу же опустился – это он сглотнул от волнения.

– Не нагнетай, сейчас разберёмся, – Юра вылез из-за стола, хлопнул друга по плечу и быстрым шагом направился к Наташе.

Девчонка стояла на четвереньках, покачиваясь и ища точку опоры. Её жутко мутило, штормило, качало... Голова гудела, будто ударили чем-то тяжёлым, в груди гуляла распирающая волна, вызывая рвотные позывы.

– Ты что здесь забыла? – подошёл Юра и присел на корточки. – Домой иди.

– Во-ова-а... – с трудом выдохнула девушка, пытаясь побороть похмелье.

– Ты меня слышишь? Вставай, – взял девочку за левую руку, потянул наверх и в это же время подхватил за пояс. – Поднимайся.

Поставив Наташу на ноги, внимательно посмотрел ей в лицо. Странно, но девчонка выглядит вполне сносно, только заспанная.

– Курила? – спросил первое, что пришло в голову.

Наташа мычала, стонала и просила отвести её домой.

– Э, не-ет, – с улыбкой ответил Юра. – Это без меня.

Посадил Наташу на порог бани, а затем позвал друга.

– Володь! С ней что-то не то! Иди посмотри! И как она сюда попала? – не замолкал Юра, возвращаясь к друзьям. – Она с Генкой встречается, что ли? Но он же ещё мелкий!

Володя искал выход, мысленно перебирая варианты. Ещё эта Марта со своими угрозами. Вот попа-ал. Вместо воинской части отправят на нары. Скажут, напоил и... Бли-ин, а ведь реально так и будет.

Схватившись за голову, Володя побежал к Наташе, чтобы привести её в чувство и отправить домой. И на черта она на озеро припёрлась? Можно было бы как-то всё это уладить, но ей и шестнадцати нет...

– Вставай, – помог подняться и пересесть на лавку в предбаннике.

Набрал холодной воды в ковш, уговорил сделать хотя бы три глотка и умыть лицо, чтобы освежиться. Кажется, немного помогло – Наташа стала чувствовать себя лучше.

– Володь, ты что это... – в предбанник заглянул Стёпка, – по малолеткам?

– Не смешно, – Володя стоял перед Натальей, которая держалась за лавку обеими руками, чтобы её не качало.

– Шуток не понимаешь? – Стёпа уткнулся плечом в дверь. – Что мы с ней возимся? Выгони, делов-то...

– Если бы это было так просто, – с сожалением вздохнул Вова, поставив ковш на небольшой столик, прибитый к бревенчатой стене.

Стыдно признаться, что моментально, ни с того ни с сего, втюрился в эту девчонку. Удивительное дело, всегда тянуло только к ровесницам или чуть постарше, а тут... соплячка. И выгнать жалко – сердце не отпускает, и бурный скандал сейчас ни к чему...

Что же делать?

– У нас будет сегодня праздник или нет? – Юрке не терпелось поднять стакан за скорое отбытие друга. – И где Илью с Саньком носит?

– Я здесь, – послышалось с другой стороны бани. – Как и обещал.

Перемахнув через сетку, Илья вначале поздоровался со Стёпкой, а потом показал Володе сумку – мол, взял, как и договаривались.

– Проспалась? – показал глазами на Наталью. – Пусть идёт домой.

– Да вы её вдвоём, что ли? – дерзко пошутил Стёпа, за что и получил увесистый подзатыльник от Ильи.

– Дурак и уши холодные? Думай, что несёшь, – обозлился Илья. – В следующий раз в глаз получишь.

– Ну скоро вы там? Гланды горят! – не унимался Юрка, постукивая пальцами по столешнице. – Время идёт, а мы ещё не ели!

И Володю моментально озарило. Зачем гнать Наташу к родителям, когда можно посадить рядом, накормить и дожидаться полного её отрезвления?

– Ты можешь домой прийти часов в девять? – спросил полушёпотом, заглядывая в мутные глаза.

– Угу, – отозвалась Наташа, не отпуская полотно лавки.

– Тогда пошли.

Вова отнёс девушку к столу, усадил рядом с собой и налил ей малинового компота.

– Мой любимый, – пробормотала девица, обняв пальцами стакан.

Марта приняла эти слова на счёт Владимира.

– А ну-ка, отойдём, – поманила Вову наманикюренным пальцем.

Парень нехотя поднялся со стола с одной мыслью: лишь бы по селу не пошли сплетни о нём и Наталье. Уединившись с Мартой за домом, под навесом, приготовился слушать очередное признание в любви или извинения... Но не тут-то было. Марта пригрозила уголовной ответственностью, если Володя не согласится выполнить её просьбу.

– Ты с головой дружишь? – вспыхнул Володя, услышав идиотское предложение. – И нечего вешать на меня то, в чём я не виноват!

– А чем докажешь? – ухмылка Марты была настолько омерзительна, что Вова сорвался уходить, но она его остановила.

– Или делаешь по-моему, или я тебя посажу, – процедила сквозь зубы девушка, поймав Вову за руку. – За несовершеннолетних дают на полную катушку. И свидетелей – полный двор.

– Ребята на это не подпишутся.

– А Сашка? Ещё есть моя Лерочка... – приблизившись нос к носу, прошипела, как гремучая змея, – или так, или в тюрьму. Выбирай.

Володя оцепенел от наглости городской девицы. И как он мог влюбиться в неё? Как не замечал её истинную сущность: беспринципную, отвратительную, мерзопакостную, гадкую?

– Ты сейчас серьёзно? – охрипшим голосом спросил взмокший парень. – И зачем тебе это нужно?

– Затем, – сжимая руку Володи, Марта сопела, как свернувшийся в клубок ёж, которого внезапно потревожили. – Я не позволю, чтобы ты оставил нашего сына безотцовщиной.

– Послушай, – Вова выдернул руку и заговорил чуть тише, – ты же прекрасно знаешь, этот ребёнок не мой.

– Ещё как твой, – Марта продолжала ухмыляться. – Твой и больше ничей. Подумай, отсрочку получишь...

– Уж лучше в армию, – Володя развернулся и, сделав два шага, замер.

В этот момент его позвала бабушка.

– Володенька! – к забору подошла, опираясь на палку, восьмидесятилетняя старушка. – Внучек мой!

Этого ещё не хватало...

Отец с матерью не смогли отговорить больную женщину никуда не ехать. В последнее время старушка часто болеет, лежит и не может встать, но попрощаться с внуком посчитала своей прямой обязанностью, хотя Вова и приезжал навестить любимую бабушку на прошлой неделе.

– Володя! – старушка спешила открыть калитку, но трясущаяся обессиленная рука не могла совладать с тугой щеколдой.

На помощь поспешил Виктор Петрович. Отворив калитку, пропустил торопливую женщину вперёд, а сам, вместе с женой, вошёл следом. Слабые ноги бабушки еле передвигались, и Витя взял тётку под руку.

– Здравствуйте, – не теряя драгоценного времени, Марта решила действовать сразу.

Виляя бёдрами, подошла к Володиным родственникам.

– Анна Олеговна, – обратилась к маме Вовы, – давайте, я Вам помогу.

Бесцеремонно выхватила из рук малознакомой женщины тряпичную сумку с лекарствами бабушки и ею же приготовленными пирожками.

– Здравствуй, Марта, – Анну немного смутила нахрапистость гостьи, но, не придав этому особого значения, женщина приятно улыбнулась и поспешила в дом.

Марта последовала за ней. Поцеловав бабулю, Владимир пожурил её в шуточной форме:

– Зачем ты приехала? Совсем себя не бережешь, – взял её за вторую руку.

– Как же? Я ж обязана проводить внука как следует, – отмахивалась Ефросинья Ефимовна, направляясь прямой наводкой в сад, где сидела молодёжь. – Хочу последний денёчек с тобой провести, с детьми... Ой, костром запахло! – унюхала запах дыма. – Жалко, дед не дожид до этого дня...

Переставляя обессиленные ноги, Ефросинья прослезилась и крепче сжала пальцы внука.

– До Генкиных проводов дожить бы... Кстати, а где он?

– Гуляет где-то, – тихо ответил Вова, подводя бабулю к столу.

– Ефросинья Ефимовна, как поживаете? – хором спросили ребята, увидев знакомую старушку. – Садитесь! Нальём Вам штрафную!

– Ой, я только за, – усмехнулась бабушка, присаживаясь рядом с Юрой. – А это кто за девочка? – заметив незнакомку в коротких шортиках, Фрося осуждающе покачала головой. – И та, вторая, полуголая ходит. А ты чьих будешь?

– Не обращайтесь внимание, – Юра налил в стакан самогонки и поставил перед старушкой. – Сейчас мода такая.

– А-а, мо-ода... Вот в наше время девки носили длинные юбки, и не дай Божё коленки оголить. Батька так прутом отходит, что встать не сможешь, а сейчас...

– Давайте выпьем за здоровье Володи, – предложил Юра, подняв наполненный стакан, – чтобы служилось легко...

Пока Юра говорил громкую речь, Фрося осматривала присутствующих с неподдельным интересом. Задержав любопытный взгляд на самой молодой гостье, задала тот же вопрос:

– А эта девочка чья?

Наташа сидела тихо, сжимая пальцы под столом и скромно опустив глаза.

– Это Натаха, бабушка, – Юре не терпелось ополоснуть горло горячей водой. – Выпьем за Вову.

– А-а, узнаю-узнаю. Фёдора Новикова, да? – пытливо спросила Ефросинья, опирая правую руку на палку. – Тот, что на пилораме доски стругает?

– Да, бабуль, да, – Вова чувствовал неловкость перед отцом. Он видел, как папа смотрел на девчонку и был недоволен её присутствием.

Виктор Петрович занял свободный табурет, с краю стола, и закурил, поглядывая на Петра, суетившегося у костра.

– А где Марта? – Лера до сих пор стояла у лавки и волновалась за подругу. Скоро придёт электричка, и пора бы уходить.

– Марта? – только сейчас Владимир понял – его бывшей нет рядом, как и мамы.

Через секунду окно кухни распахнулось, и в проёме появилось растерявшееся лицо матери.

– Витя, – дрожащим голосом позвала мужа. – Витенька, подойди сюда, пожалуйста.

Положив ладонь на угол стола, Виктор поднялся, и тут... новая оказия – Наташа резко выпрямила спину и откинулась назад, задрав ноги.

– А-ха-ха-ха! – у Степана изо рта выпала папироска.

Виктор Петрович моментально отвернул глаза от постыдной сцены: подол платья задрался по самое не хочу, обнажив белые трусики Натальи.

– Витенька, – из-за густой кроны молодой яблони не было видно, почему молодёжь так задорно рассмеялась, и Анна позвала мужа ещё громче и настойчивее, – я жду. Побыстрой, пожалуйста.

Повернувшись спиной к столу, Виктор поспешил на зов, пытаясь всеми силами выкинуть из головы то, что он только что нечаянно успел увидеть.

– Матерь Божья! – всплеснула руками старушка, глядя на лежащую на спине девочку, – не ушиблась?

– Вставай ты уже, – Юра перекинул одну ногу через лавку и протянул руку помощи. – Я же говорил, ей нельзя опохмеляться...

Поднял Наташу и усадил за стол.

– Кто ж знал, что она такая слабенькая? – Степан хохотал, держась за живот. – Я думал, ей полегче станет!

– Вы что? – Владимир зашипел на друзей, прищурился. – Самогона ей подсунули?

– Да там было-то два глотка! – смех Стёпы стал похож на ночной храп.

– Он ей ещё и курнуть дал! – подключился Пётр. – Даже не закашлялась!

– Вы в своём уме?! – забыв о бабушке, Вова обругал друзей нехорошими словами. – Дебилы! Она бы сейчас оклемалась и пошла домой! Да вы уроды просто!

– Володенька... – бабушка никогда не слышала нелицеприятных слов от повзрослевшего внука. – Так разговаривать некрасиво.

Володя резко замолчал, почувствовав неловкость перед бабулей. На колу мочало, начиная сначала. Подставили приятели лучшего друга. Молодцы, что ещё сказать? Сейчас отец вернётся, дождётся, когда все разойдётся, и начнёт читать мораль. Он это любит – хлебом не корми. Попрощался с родителями на приятной ноте, оставил после себя незабываемые впечатления о празднике и... Да что уж теперь. Что сделано, то сделано.

Володя смотрел на жизнерадостных ребят, спокойную Валерию, удивлённую бабушку, вновь опьяневшую Наташу и горько сожалел о скором отъезде и сердечной тяге к этой миловидной малолетке. Он пребывал в смешанных чувствах, был несколько потерян, жалел, радовался внутри себя, мечтал, скорбел и непрерывно улыбался.

– Владимир, – витание в облаках прервал строгий голос отца. – Мне нужно с тобой поговорить. – В том же оконном проёме показалось хмурое лицо Виктора. – Срочно.

– Я сейчас, – прошептал Володя, покидая шумную компанию. – Пять минут.

Зря Вова рассчитывал на пятиминутную беседу с суровым отцом. Разговор затянулся на полчаса. Пытаясь отбиться от навязанных на его свободу деревенских стереотипов, Вова собрался покинуть отчий дом прямо сейчас, пока его не связали по рукам и ногам и не отправили в сельский совет за круглой печатью.

– Да вы с ума сошли! – доносилось из открытого окна кухни. – Вам лапшу на уши вешают, а вы поверили! Мало ли, кто у неё был до меня!

– Не смей так разговаривать с отцом! – слезливый тон Анны заставил гостей замолчать и повернуть головы на распахнутое окно. – Какой позор! Я думала, что я воспитала настоящего мужчину... А ты...

– Ну вот, довёл мать до слёз! – у Виктора лопалось терпение. – Если напакостил, так будь добр отвечать за свои поступки! Не хватало, чтобы по всему Грязино слух разнесли, мол, бросил девушку в положении. Хочешь фамилию нашу опозорить?

Слушая бытовой скандал, ребята переглянулись, а затем уставились на Наташу.

– Из-за неё, что ли? – шепнул Стёпа задумчивому Юрке.

– Что за секреты? – Макар подошёл к удивлённому Илье. – Рассказывай.

– Не знаю, – пожал плечами Илья, уставившись на друга. – А я тут причём?

– Ты ж с Вовкой постоянно тусишь – значит, знаешь, в чём он замешан.

– Это ничего не значит, – отмахнулся Илья. – Он мне ничего не рассказывал.

Парни перевели ошеломлённые взгляды на спокойную Валерию.

– Может, ты нам прояснишь, в чём дело? – смекнул Илья из-за отсутствия Марты. – Подруга твоя так и не вернулась. Что она задумала?

Валерия смущённо опустила глаза и закусила губу.

– Вова скоро станет папой, – раскраснелась девушка от наглого вранья.

На компанию опустилась звенящая тишина. Даже мухи перестали жужжать. Ошарашенные ребята вытаращили изумлённые глаза на Валерию, не проронив ни слова.

Благодаря Ефросинье Ефимовне напряжённая обстановка разрядилась за секунды.

– А что, дело молодое, – подняла стопку с мутной самогонкой. – Выпьем, ребятки, за новую ячейку общества.

Дождалась, когда удивленные парни поднимут стаканы и чокнутся вместе с ней.

– Ещё от одной не откажусь, – поморщилась бабушка, а затем поставила пустую стопку перед Юркой. Закусила горячее свежей зеленью, причмокивая беззубым ртом, и обратилась к Валерии.

– А ты, что как неродная? Стоишь, как одинокий тополь. Садись с нами, выпей за Володю и... – задумалась на мгновение, – как ту, другую звать?

– Марта, – ответила Валерия, не спуская глаз с открытого окошка.

– Хорошее имя. Мне нравится, – бабуля повернула голову туда, откуда доносились серьёзные разговоры, и громко позвала дочь. – Аня! Анечка! Куда вы все запропалились?

Голоса замолкли. В оконном проёме показалась расстроенная Анна Олеговна.

– Мам, мы сейчас!

– Идите сюда! Будем второй праздник праздновать! Дождалась, Фросюшка, дожила! Бог миловал! Успею встретиться с правнуком!

Юра налил добавки старушке и друзьям, а себе не стал. Новость об отцовстве ошарашила молодого парня до глубины души. Он с нетерпением ждал выхода Володи, чтобы наедине обсудить эту тему. Первыми из дома вышли Владимир и Марта. Лицо Вовы, как ни странно, не сияло от радости. Оно было бледным, отрешённым и слишком уставшим.

«Видимо, промыли мозги, как следует, – подумал Юрик, вылезая из-за стола».

Обойдя притихшую компанию, Юра поспешил к Владимиру, но не успел отозвать в сторону – Марта его опередила, подхватив любимого под руку.

– Вов, – вполголоса сказал растерянный Юра, – пойдём, отойдём.

– Это вот она и есть его невеста? – бабуля узрела девицу в коротеньких шортиках, которая несколько минут назад крутилась рядом с Анной. – А-а, – покачала головой, ещё раз осмотрев вызывающий внешний вид незнакомой девушки, – теперь понятно, на что мой Володенька глаз положил.

– Володь, поговорить надо, – настаивал Юра, вызывая друга отойти.

Но Вова, словно язык проглотил. Он смотрел на друзей стеклянными глазами и думал о своём. Через мгновение перед гостями появились Анна Олеговна и Виктор Петрович. Вид у родителей Вовы был неважнецкий. Окинув серьёзным взглядом присутствующих, строгий мужчина посадил жену рядом с тещей, а сам встал во главе стола. Помедлил немного, улавливая на себе пристальные взгляды, откашлялся и громко произнёс речь из трёх слов:

– Сегодня Вова женится.

– Что? – у Наташи прорезался голос. Она подняла голову и с прискорбием посмотрела на Володю. – Зачем? Зачем ему жениться?

Заспанная девчонка не понимала где находится, и кто сидит за столом. Вскочив с лавки закричала во всё горло:

– Ты не имеешь права жениться! – её нежные кулачки несколько раз с ненавистью опустились на стол. – Он мой! Слышите? Мой!

Покрутив головой, девчонка не сообразила, что можно перекинуть ногу через лавку и спокойно вылезти. Ей приспичило пролезть под столом. Оказавшись между деревянными ножками, она проползла, не задевая ног, и выбралась на свободу. Встала, по привычке отряхнула платье и кинулась бежать.

– Ну дурная, прости Господи, – прошептала бабушка, как только Наташа покинула печальное мероприятие. – Чья она? Что-то я запомнила...

Никто не ответил старушке, все продолжали молчать и сверлить глазами молчаливого Володю.

– Завтра поговорю с её отцом, чтоб получше воспитывали, – грубым голосом сказал Виктор Петрович. – А сейчас садимся и ждём Анастасию Егоровну. Будем женить... – выдохнул и опустил на табурет.

Глава 5

Наташа бежала, не разбирая дороги, и ругала противного Володьку. Как он посмел жениться? С чего вдруг? На Марте? На этой гадкой вульгарной девице с накрашенными ногтями и нахимиченными волосами? Он что, не видит, какая она страшная и противная?

– Я лучше её, – Наташа проливала горькие слёзы и неслась вдоль улиц к озеру. – Я красивее... Я... Я же скоро вырасту...

Она бежала и плотала обиду, представляя, как Марта умирает, лёжа на траве, будто ей вдруг стало плохо, а все вокруг стоят, смотрят и не могут подойти, чтобы помочь.

– Так тебе и надо, дура паршивая, – шептала девчонка, перебегая дорогу, чтобы добраться до озера напрямки – через лесок. – Пусть тебе станет плохо, пусть ты будешь задыхаться, и врачи тебя не спасут. Чтоб ты захлебнулась, – перед глазами возникла Марта, одетая в купальник и ныряющая в бурлящую воду. – Чтоб ты утонула, овца безрогая.

Наташа не чувствовала под собой ног. Её слегка подташнивало, сердце выпрыгивало из груди, но она часто перебирала уставшими ногами, чтобы побыстрее охладиться в озёрной прозрачной воде. Выскочив из перелеска и добежав до песчаного берега, не удосужилась снять платье и кинулась в водную гладь. Через три секунды вынырнула, глубоко дыша и захлёбываясь.

– Привет.

Она так быстро бежала, что не заметила Сашу, того самого, который несколько часов назад сидел у костра.

– Привет, – ответила испугавшаяся девчонка, неторопливо выходя из воды.

– Жарко стало? – парнишка сидел, вытянув ноги, и ковырял прутом остывшие угольки.

– Угу, – Наташа выбралась из воды. Встала рядом и начала выжимать прилипшее к ногам платье.

– Будешь? – Саша поднял руку с пивом.

– Буду, – недолго думая, ответила девчонка.

В этот день Наталья появилась дома лишь к полуночи.

С Сашей расстались на перекрёстке. Он пошёл прямо, а Наташа свернула на свою улицу. Домой идти не хотелось, но желание лечь спать пересилило. Девочка шла довольно быстро, не обращая внимание на прохожих, которые желали ей доброй ночи. Обняв свои плечи, Наталья спешила в мягкую постель. Тёплый ночной воздух манил продолжить позднее гулянье, чтобы проветриться и прийти в чувство, но сердце Наташи подсказывало: спеши домой, время позднее.

Подходя к калитке, уставшая девчонка обратила внимание на свет в окнах кухни.

– А чего это они ещё не спят? – спросила себя и отворила калитку.

Вдруг со стороны усадьбы послышались тихие мужские разговоры, и Наташа остановилась, чтобы разобраться, кто это там шепчется. Басистый, грубый тон сразу выдал отца, а второй – кто? Защёлкнув щеколду, девчонка медленно потянулась на голоса. Прижимаясь к стене дома, вслушивалась в дружелюбную беседу и аккуратно переступала через только что проросшие молодые кусты крапивы.

– Ай! – кто-то кольнул в щиколотку, и Наталья вскрикнула.

– Наташка! Ты? Где тебя носило? Быстро домой! – скомандовал отец, не сходя с места.

Почесав ужаленную противной крапивой ногу, девчонка рванула к двери.

– Ничего себе, какая выросла!

Дядька приехал!

– Здравсти, – эмоции переполняли девочку, но бежать и обниматься не стоит. От Наташи разило, как из помойного ведра. Сигареты и выпивка сделали своё дело.

– Привет! Чего так поздно? – спросил брат отца.

Улыбнувшись в темноту, Наташа побежала внутрь дома, где её ждала мать с ремнём в руке.

– Ты где была? – Анфиса сидела в кухне и наполовину дремала за столом. – Что у тебя с лицом? – заметила отёки под глазами, распухшие губы и краснющие щёки. – Я видела Катю, она сказала, что вы не собирались делать уроки вместе.

– А что, она разве не уехала к бабушке?

Вот дура-то! Взяла и сдала сама себя, а могла бы солгать, мол, делали уроки, а потом поспорились.

– Ты почему мне соврала? – приподнимаясь со стула, мать нахмурила брови. – Где ты была до поздней ночи?

– Гуляла, – Наталья глянула на босые ноги и поняла – туфли, скорее всего, остались на озере. Хотя... А была ли она в них, когда неслась сломя голову?

– Где твоя обувь? – мать опустила глаза вниз вместе с Наташей. – Почему ты босиком? – подойдя ближе, Анфиса сморщила нос, почувствовав неприятный запах. – А чем это так воняет?

Наклонилась вперёд и глубоко вдохнула. От резкого «аромата» её чуть не стошнило.

– Ты что, пила? – лицо Анфисы моментально покраснело. Глаза выкатились из орбит, рот открылся, и правая рука поднялась на уровне Наташиных плеч. – Да ты совсем сдурела?

Ремень молниеносно опустился на нежное детское предплечье, оставив бордово-красный след в виде широкой полосы.

– Ай! Мама! – взвизгнула девочка, приложив руку к больному месту. – Ты с ума сошла!

Слёзы брызнули из глаз, и Наталья взвыла голосом побитого щенка. На крик прибежали отец и дядя Игорь.

– За что ты её? – Игорь обхватил руками ревущую племянницу и прижал к себе. – Ночь на дворе, а ты драку устроила.

– Не твоё дело! – закричала Анфиса, замахиваясь на дочь ремнём. – Убери руки!

– Анфис, ты сегодня злая, как никогда, – за Наташу вступился отец, – может, успокойсь?

Фёдор всегда добрел, когда слегка выпивал, а пил он очень редко – если только в кругу родни, и то по великим праздникам.

– Загулялась, бывает, зачем бить-то? – возмутился Игорь, поглаживая Наталью по голове. – Девка уже взрослая, а ты её как пятилетнюю...

– Взрослая! Она взрослая! – Анфису распирало от злости. Выдернув дочь за руку из объятий родственника, Анфиса развернула её лицом к мужчинам и заорала ещё громче. – Ты посмотри на неё! Посмотри, на кого она похожа! Где её туфли? Почему она вся опухшая, как после трёхдневной попойки? Ты понюхай, понюхай! – схватила девчонку за волосы и наклонила голову поближе к Фёдору. – Чувствуешь, чем от неё воняет?

– Это что за дела? – Фёдора будто подменили. – Ты где так нахлебаться успела?

– Подожди, Федь, – отодвинув брата, Игорь загородил его собой, чтобы племянница не получила подзатыльника. – Ну, бывает. Выпила в первый раз, не рассчитала. Вспомни, как мы с тобой баловались.

– Мне тогда шестнадцать было, – прорычал Федя, не сводя глаз с ужасного внешнего вида дочери.

– Пусть проспится, а завтра поговорите. Зачем ночью скандалы устраивать?

– Вот твои вырастут – ты с ними и беседуй! – Анфиса поволокла девочку в комнату, чтобы продолжить воспитание кожаным ремнём.

– Не пущу! – закричала бабушка, распахнув дверь комнаты. – Не трожь ребёнка, иначе я сама тебя этим ремнём отхожу!

Анфиса стояла перед старушкой, открыв рот. Одной рукой она держала дочь за волосы, а другой... Ремень так и рухнул на пол, звеня тяжелой бляхой.

Нина плашмя лежала, пальцем пошевелить не могла, и нате вам – стоит на ногах и орёт, да так разборчиво.

Тишина пробилась в дом. Игорь и Фёдор молча переглянулись. У Феде разгорелись уши, краснея постепенно, от верхушки раковин до мочек. Пальцы Анфисы разжались, выпустив взъерошенные волосы дочери. Наташа громко всхлипнула, почувствовав облегчение на макушке, и кинулась обнимать бабушку.

– Ба-бу-уля-а, – взревела девчонка, повиснув на её шее.

– Ещё раз стукнешь, – прошипела Нина Антиповна, положив на плечи рыдающей внучки трясущиеся кисти, – пеняй на себя. – Сразу же взялась за опухшие щёки Наташи и подняла голову. – Пойдём, Наташенька, пойдём ко мне в комнатку.

Медленно разворачиваясь, бабуля повела её за собой. Через секунду дверь оглушающе захлопнулась.

– А я уже... – глотнул Игорь, облокотившись о стену, – заочно похоронил.

– Дурак, что ли? – возмутился Федя. – Я вообще хотел к тебе её отправить. Ты ж у нас городской, возможностей по медицине больше, чем тут.

– Я тебе отправлю! – за закрытой дверью раздался грозный голос матери. – Без наследства останешься!

– Т-с-с, – Игорь приложил палец ко рту, – ничего не изменилось. Подслушивает.

Да, Нина всегда следила за мальчиками, особенно, когда они закрывались в своей комнате и секретничали. Подслушивала, подглядывала, чтобы узнать, чем занимаются подростки, куда ходят, с кем ведут дружбу, курят или нет, какие у них отношения с девочками.

– Чайник согрейте! Я пить хочу! – кинула напоследок Нина, и все услышали отдаляющиеся шаркающие шаги.

– И что это было? – очнувшись, Анфиса заговорила сиплым голосом. – Как это?

– А я тебе сейчас расскажу, – усмехнулся Игорь, вспомнив давнюю семейную историю. – Садись, – выдвинул две табуретки и занял одну.

Рассказ был довольно длинным и очень подробным. Анфиса слушала брата мужа с большим интересом, местами хваталась за сердце, местами прикладывала ладонь ко рту и выкатывала изумлённые глаза.

А дело всё вот, в чём. Свекровь Нины была очень хитрой женщиной. Когда Нина и Игнат поженились, Алевтина переехала жить к ним, чтобы в старости не остаться в полном одиночестве. На тот момент пожилой женщине было за семьдесят. Кроме сына, никого из родни не было, второй муж её бросил, поменяв на молоденькую краля, а родственники погибли на войне. Игната Алевтина родила в зрелом возрасте, а до момента зачатия думала, что Бог наказал её бесплодием за кое-какие грешки по молодости. Через три месяца после ухода мужа, узнала о беременности и поклялась никогда не расставаться с единственным ребёнком. Жили – не тужили, пока Игнатушка не вырос и не влюбился в местную красавицу.

От свадьбы отговорить сына не удалось, тогда Алевтина поставила условие: или жить всем вместе, или она наложит на себя руки. Игнат не смог отказать матери и забрал её в новый дом в соседнюю деревню. Как только не изгалялась Алевтина над невесткой. И то ей не так, и это не в нос, суп пересолен, хлеб внутри сырой, платье не постирано, в доме бардак. Подслушивала, влезала в посторонние разговоры, не давала продыху. А через десять лет и вовсе слегла, мол, пусть невестка ухаживает, горшки выносит, кормит с ложки, да Богу почаще молится за скорейшее выздоровление любимой свекровушки. Ох, и намучилась Нина с матерью мужа, натерпелась её упрёков, грязных простыней настиралась и соплей навтыралась. А после года непрерывного лежания Алевтина захворала не на шутку. Не выдержали ослабленные мышцы

годового покоя, и конечности у Али отказали напрочь. Спустя четыре месяца Алевтина покинула этот свет.

Наевшись свекровкиных заскоков, Нина стала чернее чёрной тучи. Озверела, как дикое животное, да и переняла от почившей Алевтины манерный характер вместе с пустыми капризами. Пришло время женить сыновей. Ни одна из невесток не пришлась по душе, ни одна не полюбилась. Нина тщательно всматривалась в каждую молодую, чтобы понять, кто из пришлых девок окажется слабохарактерной. Выбор пал на добродушную Анфису. М-да, не повезло девке, да и Нине бросать родную деревню не хотелось. Старший и младший сыны уехали, а Федя здесь остался жить и работать, слушать мамкины сплетни о жене, растить единственную дочь.

Выслушав полный рассказ о свекрови, Анфиса схватила за голову.

– Так она что, прикидывалась, что ли?!

– Да тише ты, – Игорь наклонил голову и добавил, – проверка, понимаешь?

– Делать тебе нечего, чушь всякую придумывать, – вполголоса сказал Федя, присаживаясь на лавку. – Ты видел, какая она лежала? Бледная, серая. Да и врач сказал...

– А ты-то сам с врачом разговаривал? – Игоря разбирало на смех.

– Нет.

– А надо было. Я же помню, как бабка с кровати вставала, когда дома никого не было. Она думала, что одна, а я на печке прятался, – продолжил брат, еле сдерживаясь, чтобы не заржать.

– Что-то я такого не припомню, – смутился Федя, – врешь и не краснеешь.

– Угу, я мамке рассказал, а она тоже не поверила. А вот батька сам видел.

– Что видел?

– Как бабуля у окна сидит. Идёт домой с работы, а она в окно уставилась и семечки грызёт.

– И что он матери ничего не сказал?

– А зачем? Мать за бабкой присматривает, его не трогает. Придёт пьяный и на боковую.

– Ну и стерва, – выдала Анфиса, осмыслив свекровины козни.

– Ну ты, это... – Игорю стало неприятно. – Мать, всё-таки...

Укоризненно посмотрев на Игоря, Анфиса попросила мужа провести с матерью серьёзную беседу, чтобы впредь никаких детских шалостей, проверок и прочей ерунды, иначе она разведётся, заберёт дочь и уйдёт из дома.

– Не занимайся хернёй, – Фёдор терпеть не мог, когда ему ставят условия. – Да и не верю я в эти сказки. Не могла мать прикинуться больной. Вот не могла, не верю.

Фёдор прошёлся по кухне, о чём-то раздумывая, а после встал рядом с женой. На его лице читалось недоумение.

– Игорь, ты ж бабку с детства терпеть не мог. Вот это я точно помню. Ссорился с ней каждый день.

– Здравьсти-приехали, – шлёпнув своё колено, Игорь встал. – Это она мне мозги колупала, а не я. С батькой сравнивала, намекала, что я не от него.

– Даже если и так, ты всю жизнь будешь её ненавидеть? Кстати, мать о ней ничего плохого не говорит, а ты вспомнил тут, видите ли. Тьфу, противно!

Из троих братьев Федя считался самым рассудительным. Ну, это Нина так считала. Покладистый, стоворчивый, всё делает по уму. Чуть что не так в женском коллективе – Федя сразу ставит всех на место: жену и дочь. А так как внучку Нина в обиду не даёт, то нагоняй, получается, отхватывает только Анфиса. На мать кричать нельзя, дочь под прикрытием – остаётся жена. А раз уж все клинья сошлись на ней – значит, мама полностью права: из Анфисы никудышная хозяйка и никакущая жена и мать.

– Заболела одним днём и сразу на ноги вскочила, – прошептала обиженная Анфиса, уставившись на столешницу. – И язык ворочаться начал, и ноги заходили.

– А что? – Федька будто с пеленой на глазах. – Я по телевизору столько всякого насмотрелся, что и не захочешь – поверишь. Организм, как оказывается, – загадка природы. Люди взглядом предметы двигают, а ты о болезни судачишь.

– Верь больше, – отмахнулась жена. – Я пробовала, что-то ничего не получается.

– Пф-ф, – спрыснул Федя, – что ты там пробовала? Там – наука! – поднял указательный палец в потолок. – А ты кто? Деревня и есть.

– Да пошёл ты, – Анфиса подняла ремень с пола и удалилась в комнату.

– Может, ты и прав, – слова брата погрузили Игоря в раздумья. – Я давно задумываюсь, откуда люди на земле появились?

– Известно, от обезьян произошли, – Федя напомнил об источнике из школьной программы.

– Странно как-то, сейчас же они не превращаются. Сидят себе в джунглях, по веткам прыгают.

– Условия не те, – с сожалением вздохнул Федя, – раньше всё по-другому было. Люди больше трудились, осваивали новые технологии, а сейчас что? Бабы бельё на речку таскали, а сейчас у них доски специальные есть, а у кого-то и центрифуга – руки ломать не надо. Зимой и летом в лаптях ходили, здоровее были, а теперь? Туфли им подавай, а осенью – ботиночки. Ладно хоть зимой в валенках топают. Денег не напасёшься.

– Когда-то и денег не платили, – выдохнул Игорь, погрузившись в прошлое.

– Так чай будет или нет? – о, мать голос подала.

Федя включил конфорку, выставил на стол чашку с сахаром, проверил, есть ли свежая заварка.

– Сейчас! – ответил матери, перекладывая рафинад в любимую чашку Нины.

– Ладно, я спать пойду, а ты это, – почесав затылок, Игорь посмотрел на брата исподлобья и выдал застенчивую улыбку. – Наташку не обижай. Себя вспомни в её возрасте. Сегодня побаловалась, а завтра голова болеть будет – вся охота пробовать пропадёт.

– Иди уже. Спокойной ночи, – уткнувшись в одну точку, Фёдор вспоминал себя в подростковом возрасте.

Ну, было дело, выпил впервые не в шестнадцать, как сказал при всех, а в тринадцать. Рвало дальше, чем видел. От батьки получил по ушам, а Игорь, брательник, заступился. М-да, всё-таки Игорь – отличный брат, за Федю стоял горой, а вот с младшим отношения с самого детства не складывались. Стёпка вырос баловным, хотя мать больше Игоря любила. Да и сейчас, если так посмотреть, чаще об Игоре вспоминает, волнуется за него, мол, как он там со своей мегерой поживает? Жёнка его матери сразу не глянулась: крикливая, задиристая, больно уж не уважает мужа, может при всех за столом гаркнуть на него, хотя Игорь не обращает внимание, продолжает шутить, клоун цирковой.

На плите вскипел чайник. Федя налил кипяток в чашку, разбавил крепкой заваркой, размешал сахар чайной ложкой.

– Мам, – стукнул два раза в дверь. – Я тебе чай принёс.

– Заноси, – сиплым голосом ответила мать.

Открыв дверь, Федя увидел спящую дочь и рядом сидящую маму.

– Садись, сынок, – Нина показала рукой на кровать. – Поговорить с тобой хочу.

Поставив чашку на комод, стоящий у кровати, Федя сел у материных ног. В комнате стоял жуткий перегар. Наташа посапывала и стонала во сне, зарывшись лицом в подушку.

– Наташку обижать не дам, – устало прошептала Нина, поглаживая внучку по спине. – А вот с Анфиской надо бы разобраться.

– А что такое?

– А то. Покуда я тут болела, – провела второй рукой по одеялу, – она шибко ухаживать не желала. А если я насовсем слягу, тогда что? Ты-то мужик, это всё ясно, тебе доступ к лежачей

женщине закрыт, а она? Брезговала... Её не волнует, что я твоя мать, понимаешь? У самой матери не имеется, а на чужую плевать. Думай, сынок, думай. Я уже пятнадцать лет за ней наблюдаю, больно любви к тебе не ощущаю. Помнишь её первого, а? Вот те крест, – перекрестилась три раза, – о нём все думки. Я, как опытная женщина, вижу это с первого взгляда. Анфиске твоей Борька по душе, а на что она за тебя вышла – понять не могу. Думай, сыночка. На то тебе голова и дадена, чтобы думать.

Фёдор слушал мать, опустив голову. Неприятно, когда такие слова говорят о жене, но, если так подумать, Анфиса уже не та, на которой он женился. Эта какая-то нервная, озлобленная, смотрит исподлобья, а та молодуха была яркая, весёлая, улыбчивая. Возможно, с возрастом женщины и меняются, но почему жена Юрки Попова какой была, такой и осталась: задорной, шутки шутит да смеётся всё время? Стоит только столкнуться с ней на улице – сразу душа в пляс просится. Взглянешь на её белоснежную улыбку, и в груди песни поют. В глазах огонёк, голос – закачаешься. А как она двигается! Каждый шаг, что лебедь белая – плавно переступает, будто не по земле идёт, а парит.

– Мам, всё-то ты верно говоришь, – Федя выдохнул после долгой паузы. – Вот только, – повернул голову на мать, – девка у нас.

– И что? – Нина не видела преград. – Наташенька с нами останется, а эта... пусть идёт, куда хочет, – сказала, как отрезала.

Ну, дела-а... Взбаламутила мамаша мужика, ударила в самый центр, прониклась своей болтовнёй в сердце и заставила заволноваться.

– Спасибо, я подумаю, – бросив короткий взгляд на спящую дочь, Федя поднялся и вышел из комнаты.

Спать бы надо ложиться, но у Федьки закралась даже не доля, а девяносто девять процентов глубокого сомнения. Мать говорит, что все пятнадцать лет замечает за Анфиской какую-то отдалённость от семьи. Борьку вспомнила. Так он уехал из деревни и вроде как в городе живёт. Или в селе? Да Бог его знает, не попадался на глаза, и ладно.

– Да не-е, не может этого быть. Анфиска не такая. Не станет она встречи с ним искать и семью позорить. Не-ет, не хочу даже думать, – вышел на улицу, чтобы перекурить мамкины слова.

Курить пришлось много. Подкуривая одну за одной, Федя вспоминал прошлое и сопоставлял факты. Значит так, Борька с Анфисой повстречались полгода, так? Так. После он ушёл в армию, а там и Федька нарисовался. Окрутил девчонку, взял под заботливое крылышко, привёл к матери, мол, благослови, мать согласилась. Через год Наташка родилась. Анфиса вся в заботах, в домашних делах, мать – на подхвате. Всё чин по чину. А, ну да, Борька через два года вернулся, несколько месяцев покрутился в деревне и отчалил. Всё верно. Анфиске к нему бегать некогда было – девка на руках. А с другой стороны: если и встречались, то только для разговора. Может, Борька и звал обратно, да Анфиска-то с хвостом. Нет, не сходится. Кому чужой ребёнок сдался? Значит, не звал. Свыкся с мыслью о её новом положении и уехал, чтоб глаза не мозолить, или чтоб она не мозолила.

– Ну, вот! – выкурив шестую папиросу, Федя открыл дверь, чтобы пойти спать. – Вот так сходится. А то, что матери ни одна из невесток не понравилась – так это давно известно. Ладно, придёт время – притрутся и перестанут скандалить.

Успокоив себя, Федя лёг на кровать рядом с женой и положил руку ей на плечо. Рано утром первой всегда просыпалась Анфиса: корову подоить, поросят накормить, вычистить стойло, приготовить завтрак. Но сегодня на уши всех поставила Наташа. Ближе к пяти часам её начало сильно тошнить. Соскочив с кровати, Нина мигом сбегала за ведром и подставила под голову блюющей внучки.

– Ой, девонька, ну и напугала ты меня. Я чуть со страху не померла. Подумалось, что в окно кто-то лезет, а тут ты хрипишь, – придерживая волосы внучки, щебетала бабушка. – Вот

так, вот так её, плюй, плюй всё, что есть. Да очистится нутро девичье от пакости безбожной, – начала вслух придумывать молитвенную речь, чтобы помочь Наташе.

– Ты где вчера была? – проснувшись, Анфиса сразу побежала в комнату свекрови. – Кто тебе налил?

– Ни-ик-то-о, – Наташа заплакала, почувствовал поганый привкус в горле и ощутив боль в желудке.

– Не ври, где взяла? Отвечай! – настаивала мама, запахивая домашний халат на груди. – Все наши знают, кому сколько лет! Кто посмел налить?

– Не кричи, – бабушка начала заступаться за любимую внучку. – Не видишь, ей плохо!

– Ну да, а вчера, видимо, было очень хорошо, – язвила Анфиса, глядя на скорчившуюся дочь. – Нахалка!

Следом подтянулся и Фёдор. Встал позади жены, широко зевнул и попросил завтрак.

– На работу пора. Мы с ней потом поговорим, – занял почётное место за столом в кухне.

Анфиса поняла – сейчас серьёзного разговора не получится. Закрыла дверь, поправив волосы на затылке, и направилась к холодильнику. Повезло Наташе, бабушка – заступница рядом, в обиду не даст. Сейчас очистится от яда и отоспится до обеда, а там и дядька своё слово в защиту вставит. Мать и отец успокоятся. А позже забудут об этом неприятном инциденте.

Всё бы ничего, да только батька на обед вернулся с «подарочком», который ему преподнёс отец Володи.

– Где она? – Фёдор влетел в дом, как ураган. – Наташка!

Наталья только-только пришла в себя, отоспавшись как следует и плотно пообедав куриным бульончиком, сваренным бабушкой специально для внучки, чтобы привести в порядок кишки.

– Иди сюда, паскудина такая! – отец стоял в дверях и громко сопел, выпуская «пар» через расширенные ноздри.

– Ты чего такой? – послышалось из сеней. – Случилось что-то?

Обернувшись, Федя увидел брата с ведром в руке, наполненным молодой крапивой.

– Наташку не видел?

– В огороде они, загорают.

– Я ей сейчас, мать твою, позагораю, – отпихнув брата, Федя рванул в огород.

Рядом с домом, со стороны огорода, где растут морковки с огурцами, есть небольшая лужайка. Её специально не скашивают, оставляют травку для возлежания или небольшого пикника. Вот туда-то и направился Фёдор, нервно размахивая лаковыми туфельками.

– Лежишь? – приоткрыв дощатую калитку, резко дёрнул её на себя. – А мне тут птичка на тебя донесла...

– Не кричи, только вздремнула, – заговорила мать, приподнимая махровое полотенце.

– Дома надо спать, – одёрнул полусонную маму Фёдор. – Иди сюда, – грозно взглянул на дочь, лежащую рядом с бабушкой. – Иди и забери свои тапки.

– Это туфли, – голос Наташи звучал уныло.

Ох, откуда они у него? Где он их нашёл?

– Иди, я сказал! Вставай! – у отца лопалось терпение.

– Федя, у меня сейчас голова разболеется, – в строгости мать не уступала. – Обед готов, иди и лопай.

Федька закатил глаза, как кокетливая девчонка, и выдохнул.

– Если ты сейчас же не встанешь...

– Ба-абушка-а, – тоненьким голоском протянула Наташа, видя, как отец злится.

– Пойдём в дом, внученька, – Нина закричала, приподнимая торс. Сдёрнула с лица полотенце и попросила сына подать руку. – Не отдохнёшь с вами, – пожурела Фёдора, когда тот помог подняться. – Что это у тебя в руке? – обратила внимание на обувь. – Наташины?

Наташа старалась держаться бабушки, чтобы ненароком не схлопотать подзатыльника от рассерженного отца. Она его, конечно, побаивалась, но любимая бабуля-то рядом, она всегда спасёт.

– Её, её, – Фёдор пристально смотрел на дочь. – Хочешь знать, кто мне их принёс?

– Кто? – свернув плед, Нина направилась к калитке.

– Виктор Петрович, – медленно выговаривая имя и отчество, Федя напряг челюсти. – Бригадир наш.

– И что? – Нина вышла с огорода, придерживая внучку за руку.

Наташа семенила, пытаясь проскочить между столбиком, на котором держится калитка, и неторопливой бабулей, чтобы отец не успел стукнуть по макушке, но не успела. Фёдор размахнулся и треснул дочь по заднице туфлями.

– Ай! – ухватившись за правую ягодицу, Наталья подпрыгнула на месте.

– Ты где вчера была?! – и тут отца прорвало. Такого бешеного взгляда Наташа ещё не видела за свою короткую жизнь. – Стою, пилю, а он подходит сзади и аккуратненько так ставит эти чёртовы ботинки мне на стол! – потряс в воздухе запылившейся обувью.

– Это туфли, – насупившись, девочка всхлипнула от внезапной боли.

– Так, отойди! – вскрикнула мать, ударив сына по руке. – Я вам дам девку обижать! Потеряла, и что? Нашлись, и слава богу! А вам лишь бы бить!

– Да что ты лезешь всё время? – глаза Фёдора налились кровью. – Ты представляешь, как она опозорила нас? Уже вся деревня в курсе! Ко мне уже один подошёл, спросил, правда или нет! Второй!

– А ты слушай их больше! У нас столько любителей в чужую семью нос сунуть!

– Да замолчишь ты или нет? – Федя впервые прикрикнул на мать, та аж опешила. – Её на озере пьяную видели! Виктор рассказал, как она пьяная прыгала у них в саду! Платье задрала, и все трусы наружу!

– Неправда-а! – зарыдала девочка, уткнувшись в плечо бабушки.

– Довели ребёнка! – обняв внучку, Нина ещё раз ударила сына по руке, и туфли упали на траву. – Что вы все к ней лезете? Между собой разберитесь для начала! Вот вовремя я за её воспитание взялась! Вовремя к себе девку привадила, а то выросла бы такой, как её мамка!

Дверь дома скрипнула, и на крыльце появился Игорь. Он не стал вступать в семейные разборки, не его это дело. Сел на верхнюю ступень и закурил, прислушиваясь, о чём это говорит мать.

– При чём здесь Анфиса? – Фёдор попытался перекричать мать. – Что ты на неё наговариваешь? А ты, – зыркнул на рыдающую девочку, – иди домой! Я с тобой вечером поговорю!

– Я тебе поговорю! – прижав к груди вздрагивающую внучку, Нина разозлилась не на шутку. – Я тебе так поговорю, что костей не соберёшь! В кого ей быть, если мать – бестолочь? Если бы не моё воспитание, то Наташка такой бы и стала! Ну, отравилась вчера чем-то и что? Сегодня полегчало! А с Анфиской надо было давно разобраться, а не молчать! Ты из-за неё на девку кидаешься! Я это сразу поняла!

– Мать, – Фёдору надоело кричать. Пнув ногой туфли, направился к крыльцу, – не могу больше...

Не выдержал спора с матерью, пошёл обедать.

– Я тебе о чём говорю! – Нина отпустила Наташу и зашуршала босыми ногами, догоняя сына. – Стой! – поймала его за рубаху и потянула на себя. – Пора бы глаза тебе открыть, сыночек! Пора за жизнь семейную браться! Хватит на Анфиску глядеть и всё прощать!

Вспомни его, вот и оно: из-за угла дома показалась Анфиса. Она спешила домой из магазина со свежим хлебом, чтобы успеть подать его к столу.

– А-а, вот и она-а! – Нина перекинула злость на невестку. – Здравствуй, голубка моя! Пришло время разоблачаться!

– В каком смысле? – Анфиса никак не ожидала застать дома скандал.
Остановившись у крыльца, уставилась удивлённым видом на своих домочадцев.
– А я сейчас покажу! – свекровь юрко взобралась на крыльцо и скрылась в сенях.
– Что здесь у вас? – спросила недоумевающая женщина, поставив тряпичную сумку на ступень. – А? Игорь? Федя? Что здесь происходит?
– А это ты у дочки своей спроси, – ответил Фёдор и ткнул пальцем Наташу в спину.
– Ба-абу-ушка-а! – взревела девочка и побежала в дом – искать успокоения в объятиях бабули.

Из сеней донеслось: «Погоди». Нина спешила на выход.

– А вот, погляди-ка! – встала на крыльце и с довольной ухмылкой вытянула руку с потрёпанным конвертом среднему сыну.

Брови Феде сошлись на переносице.

– Это что? – руки сами потянулись к конверту.

В животе моментально образовалось ощущение тяжести, будто Федя переел, хотя ещё и не успел пообедать. По спине побежали мурашки, ладони вспотели. Конверт оказался вскрыт. Вытащив из него пожелтевшую бумагу, развернул и принялся читать. На середине остановился, поднял глаза на жену, сжал губы так, что заходили желваки на скулах. Анфиса смотрела на мужа и ждала информации. От кого это письмо, что там написано?

Дочитав до конца исписанных два листа, Фёдор сложил письмо, сунул в конверт и вернул матери.

– Пойдём, – жёстко схватил жену под локоть и поволок в дом.

Выгнав Наташу из дома, Фёдор затолкал жену внутрь и захлопнул дверь. Предчувствуя беду, Игорь встал, сплюнул на землю и с презрением посмотрел на мать.

– Куда собрался? – Нина ощущала удовлетворённость, радость и даже величие над невесткой. Наконец-то Федя соберёт её вещички и погонит прочь.

– Ты зачем это сделала? – задал вопрос строгим тоном. – Тебе больше всех надо?

– А что? Что я такого сделала? Открыла ему глаза на беспутницу. Хватит ей в рот заглядывать да улыбаться. Ещё неизвестно, сколько раз она к нему на свиданку бегала.

– К кому?

– К хахалю своему, к кому ж ещё? И ведь не совестно ж было письма от него принимать, нахалка такая. Долго я молчала, стыд её прикрывала, а теперь пусть Федька покажет ей дорогу, – идиотская ухмылка матери взбесила спокойного сына.

– До чего ж ты глупая, мам. Хочешь обижайся, хочешь нет, но глупости тебе не занимать.

– Ты как с матерью разговариваешь? У жены своей научился? Дал Бог невесток, чтоб их. Что одна – дура, что другая! И что это она с тобой не приехала, а? Меня боится?

– Да сдалась ты кому. Работает, работа у неё ответственная.

– Ой ли? Посмотрите, какая краля, работает она! Помню, помню, как она на меня посмотрела, когда я корову подоить попросила, неженка прям вся стала. Из деревни в город выползла и королевой стала. Не обломились бы, рученьки, а помогать её не научили.

– Хватит всех грязью поливать. Лучше бы на себя посмотрела, – переступил порог и добавил, – сама-то, что придумала? Слегла и вдруг воскресла.

– Цыц, с матерью так разговаривать! Не смей, слышишь, Игорь? Не смей!

Наташа стояла на крыльце и слушала разговоры взрослых, не понимая, откуда вдруг у матери хахаль появился, и с чего это бабушка внезапно взъелась на тётю Раю?

– Бабуль, а хахаль-то из местных? – поинтересовалась девочка.

– Из бывших, – не подумавши ответила Нина и сразу же опомнилась. – Ты-то куда нос свой суешь? Не твоего ума дело. Иди на лужайку и сиди там, не подслушивай.

Эх, а так хотелось поучаствовать в непринуждённой беседе, узнать прошлое родителей, о котором они почти ничего не рассказывают. Наташа, пригорюнившись, ушла в огород и встала за стенкой. Любопытно же, что ещё нового бабушка выложит о матери?

– При ребёнке... – неодобрительно покачал головой Игорь и вошёл в дом.

Нина осталась ждать снаружи.

– Хоть бы отлупил её, что ли, всё ж наука, – присела на крыльцо в ожидании скандала.

Открыв вторую дверь, Игорь наткнулся на сидящую у порога Анфису. Она закрыла лицо руками и тихо плакала. Фёдор сидел на лавке и не спускал с неё глаз.

– Когда встречались, до рождения Наташки или после? – его гневный взгляд говорил о надвигающемся мордобое.

– Фёдор, – Игорь терпеть не мог драки и громкие ссоры, – ты бы утихомирился. Зачем закатывать истерику?

– Уйди, – прошипел раскрасневшийся Федя, – уйди от греха.

– Федь, а чего она здесь сидит? – аккуратно взял Анфису под мышки и приподнял.

Женщина зарыдала ещё громче.

– Ну встань, – вежливо попросил Игорь, пытаясь поставить невестку на ноги. – Анфис, подымайся.

Почувствовав опору под ногами, Анфиса развернулась и уткнулась в грудь Игоря, вцепившись при этом в его футболку. Тонкая ткань моментально промокла и прилипла к волосатой коже.

– Довёл жену, – прорычал Игорь. Он не терпел женских слёз с детства. Неважно, виновата женщина или нет, ему всегда было жалко хрупкую эмоциональную натуру. – Анфис, ополосни лицо, тебе надо успокоиться.

– Может, ты свалишь наконец?! – вскочил Фёдор, сжав кулаки. – Сами разберёмся, без твоей помощи!

– Кончай орать, – Игорь еле сдерживался. – Зачем ворошить прошлое? Вспомнили и забыли, – подвёл Анфису к умывальнику.

– Что забыли? Прихвостня её бывшего? А как теперь доказать, что Наташка от меня, если она к нему ночами бегала?

– Никуда я не бегала! – взвыла Анфиса, убрав руки от лица.

И тут Игорь заметил красное пятно на её щеке, прямо под глазом, свежее, припухшее.

– Ты её ударил? – Игорь переменялся в лице. – Да как у тебя рука поднялась?

Бросился на брата и повалил на пол. Зажал его руки коленями и со всей дури врезал кулаком по лицу.

– Сволочь! – Федя не успел увернуться. – Слезь! Слезь, я сказал! Прибью, зараза!

На крик прибежала Нина. Увидев дерущихся сыновей, заорала во всё горло: «Караул!»

– Я тебя... – хрипел взбесившийся Игорь, нанося удар за ударом, – на женщину руку поднимаешь?

Федя сумел высвободить руки и накрыть ими окровавленное лицо.

– Что ты стоишь? – Нина вцепилась в руку невестки. – Зови на помощь! Они поубивают друг друга!

Услышав голос матери, Игорь прекратил дубасить брата и, задыхаясь, слез с него.

– Если бы не ты, – хватая ртом воздух, встал на колени, – ничего бы этого не было.

– Да я тут причём? – Нина проливали слёзы, не отпуская руку Анфисы. – Это всё она, – толкнула невестку и бросилась к Феде, который сел у печки и сплёвывал кровавые сгустки на пол.

– зуб выбил, скотина, – прохрипел Федя, потрогав языком дырку в десне. – А ты, – показал дрожащей рукой на жену. – Собирай манатки и на выход.

– Федя, не виновата я! – Анфиса рыдала навзрыд. – Не знаю, чьё это письмо! Я Бориса уже сто лет не видела! Да не встречалась я с ним, Богом клянусь.

– У-у, шельма, – прошипела Нина, успокоившись. – И как только земля тебя носит.

– Честная она, зуб даю, – Игорь поднял с пола выбитый зуб и кинул его в Фёдора. – Моё это письмо.

Услышав о письме, Федя встал в ступор. Мать, пристально посмотрев на старшего сына, поднялась на ноги, отряхнула подол платья и плюхнулась на лавку, положив руки на колени.

– Так это что ж получается? Не с Борькой, а с Игорем любовь крутила? – придя к развратному выводу, Нина поняла, жёсткое воспитание сыновей ни к чему не привело. – Игорь, и как тебе не совестно, а? – Ты ж не себя, ты брата подставил, – в голове не укладывается, как такое могло случиться?

Ещё не разобравшись, что к чему, Федя кое-как встал и прислонился к печке.

– Ну вы и сволочи, – вытер ребром ладони красные ручейки под носом, – не брат ты мне больше, – направился к умывальнику, чтобы умыться лицом. Открыл кран и с ненавистью в глазах посмотрел на жену. – Змея, ну ты и змея Анфиска.

– Да вы совсем, что ли? – потирая отбитые пальцы на правой руке, Игорь пересел на лавку. – Она-то тут причём? Не ей писалось, а Машке Шубиной.

– Как Машке? – удивилась Нина. – Зачем Машке?

– Можешь врать, сколько влезет, – Федя уже никому не верил. Ополаскивая болезненный нос, распухшие губы, набирал в рот воды и сплёвывал. – Но прикрыть Анфискины гулянки не получится.

Анфиса стояла рядом с мужем и хлопала ресницами. Ей точно никто из местных писем не писал, тем более, брат Феде.

– Машке это письмо предназначалось, – Игорь стоял на своём. – Мы с ней встречались, так-то.

– Да как ты мог встречаться, она же замужем уже была? – матери не верилось, что Маша, местная скромница, в тайне от мужа имела любовь на стороне.

– Да вы много не знаете, – суставы ломило, и Игорь не переставал растирать правую кисть. – А письмо я Анфисе оставил, в комнате на подушке, когда в дорогу собирался.

– Ой, я вспомнила, – прошептала Анфиса, – ты же просил передать ей... – поймав на себе пристальные взгляды мужа и свекрови, сразу замолчала.

– Э-эх, – покачала головой разочарованная Нина, – сводница. Тьфу.

Надежды на разлуку сына с невесткой рухнули в одночасье. Расстроившись, Нина медленно поднялась с лавки, махнула на всех рукой и потопала вразвалочку на улицу. Ну что за день такой? Ни тебе новости хорошей, ни душевного удовлетворения. А планов-то, планов за последние полчаса успела настроить! Видимо, придётся ещё пятнадцать лет терпеть мерзкую невестку. Да на неё взглянешь – плакать хочется! Серая вся, лицо какое-то задумчивое, ни поговорить, ни слова ласкового...

– Жить с ней – одна тоска, – Нина вышла на крыльцо, побряхтывая спустилась, подошла к огороду и позвала внучку. – Наташка! Подь сюда, поговорить с тобой хочу.

Наталья подошла к бабуле, протянувшей руки, и крепко обняла, демонстративно шмыгнув носом.

– Я так тебя люблю, бабушка, – уткнулась лицом в её плечо. – Они поругались, да? – полюбопытствовала о родителях.

– Наташ, вот скажи мне. Кто для тебе дороже всех на свете? – ласково спросила Нина. – Кого ты любишь больше всех?

– Вас, – вздрогнула девочка, уставившись на бабушку. Вопрос застал её врасплох.

– Кого «вас»? Скажи конкретнее, – Нина улыбнулась, и, чтобы добиться нужного ответа, поцеловала внучку в лоб.

– Тебя, – вполголоса произнесла растерянная Наташа, взглядываясь в хитрые глаза бабушки.

– Ты ж моя девочка! – восторженно воскликнула Нина и ещё сильнее сжала в объятиях драгоценное дитя. – Я так и знала! Ты – мой котёнок, золотце моё, счастье ты моё!

Слёзы потекли из глаз ранимой бабушки. Наташа не смогла удержаться и заплакала вместе с ней.

– А мамку, мамку свою ты любишь? – Нина подходила к главному вопросу осторожно, издалека.

– И мамку, – захлюпала носом растроганная внучка.

– А папку?

– И его тоже.

– А кого больше, мамку или папку?

Наташа нахмурила брови.

– Не знаю, – плакать расхотелось моментально. Сердце девочки предчувствовало, что-то здесь не так. – А что? Зачем ты спрашиваешь?

– Мамка твоя Федю не любит, – выдала Нина без зазрения совести. – А он с ней мучается. Уже пятнадцать лет мучается и не знает, как поступить.

– Они хотят развестись? – сообразила девочка и заплакала ещё громче.

– Хотят, но не могут.

– Почему?

– Из-за тебя, девочка моя, из-за тебя.

– А что я такого сделала? – рёв поднялся на весь двор.

– Жалеют они тебя, вот поэтому и не расходятся. А вот ты мне скажи, скажи, Наташенька, – Нина взялась за мокрый подбородок Натальи и приподняла голову, чтобы видеть её глаза. – С кем тебе будет лучше, с папой или с мамой?

– Не знаю-у! – допекла бабуля внученьку, ужалила в детскую душу.

– А со мной? Со мной тебе, как будет?

– С тобой? – Наташа перестала убиваться. Всхлипнула два раза и ответила с улыбкой. – С тобой мне всегда хорошо.

– Ну вот и славненько, вот и договорились.

Дверь дома распахнулась настежь, благодаря сильному толчку ногой, и на крыльце появился Фёдор. Уже не такой нервный, но задумчивый. Наталья повернула голову, думая, что на улицу вышла мама, но, увидев ужасный вид отца, застыла на месте.

– Во-от, видишь, до чего мамка твоя отца довела? – зашептала Нина. – Из-за её прихоти два брата подрались.

Переведя напуганный взгляд с папы на бабушку, Наташа вздрогнула. Отца избили... Нос набок, губы распухли, на нижней губе трещина, под глазами синяки. Ужас какой, ему же больно!

– Папа! Папочка! – жалость к побитому отцу вывернуло детскую душу наизнанку. Наталья бросилась бежать на крыльцо, пожалеть любимого папочку.

Позади Фёдора показалось зарёванное лицо матери. Устремив на неё озлобленный взор, Наташа сжала губы и нервно засопела.

Стоя по стойке смирно, Фёдор смотрел изумлёнными глазами на мать. Его душа оттаяла от крепких объятий Наташи. В последний раз она обнимала папу в семилетнем возрасте в Новогоднюю ночь, когда он нёс её сонную в постель. Лицо Феди расплылось в улыбке.

– Не плачь, – погладил девочку по спине, – всё хорошо. Повздорили, и будет.

– Папочка, – расстроенная Наташа захлёбывалась слезами, – прости меня! Я больше никогда тебя не подведу!

– Ну что ты, что ты, девочка моя, ты ни в чём не виновата.

Глядя на умильную сцену, Нина полностью приняла тот факт, что одержала победу над сыном и внучкой. Ну, держись, Анфиска, твоё время кончилось, по краю лезвия ходишь. Нагулялась и хватит.

«Не позволю моего Федьку за дурака держать, – пронеслось в голове ехидной женщины. – Сегодня-завтра подаст на развод. Хватит нас дурить и позорить на всю округу. Правильно Верка сказывала: в тихом омуте черти водятся».

Ох уж эта Верка – продавщица местная. И всё-то ей дело есть до каждого. Всюду лезет, всё обо всех знает. Стоит только увидеть кого-то поздно вечером (рано утром) или в деревне, или в городе – слухи о чужой репутации мигом разлетаются среди её любопытного окружения. Вот и Анфиса попала под раздачу, так, невзначай. Съездила в городскую клинику да по местному рынку прогулялась в компании случайно встретившегося Бориса, который когда-то ухаживал за ней. И надо ж было этой Вере на рынке появиться? Совпадение. К мило беседующей паре подходить она не стала, но, уставившись со стороны, сделала кое-какие выводы, мол, если улыбаются друг дружке и ходят в одиночестве – значит, любовь у них.

– А то как же? – Вера распиналась перед Ниной в пустом магазине, выдавая ей сдачу. – Он без жёнки, и эта без Федьки. Идут между рядками, медленно так, не спеша. Он ей что-то рассказывает, а она улыбается и в глаза ему заглядывает.

– А ты? – недовольно спросила Нина, укладывая в сумку свежий хлеб.

– А что я? Иду себе сзади и думаю, ни стыда ни совести. У него ж жёнка в родильном, а он на свиданки бегаёт.

– Да ты что? – Нина обомлела от такой новости. – Ой, какое бесстыдство. А потом что? Обнимались, не?

– Откуда мне знать? Я за товаром приезжала. Покуда время было, сбегала на рынок, а тут – они... Ой, Антиповна, я б на твоём месте Федьке доложила! Это ж какую чёрную душонку надо иметь, чтобы честного мужика перед людьми позорить?

– Да не поверит он. Ты думаешь, я не старалась глаза ему открыть? Не верит матери, и всё тут.

– Видать, она ему подмешала чтой-то, раз уж расставаться не желает, – всезнающая продавщица высыпала звонкую сдачу в блюдце.

– Да ну-у, – возмутилась Нина, забирая монетки. – По ней и не скажешь, что она способна на такое.

– Нин, вот ты меня удивляешь, ей-богу! – вспыхнула Вера. – Я тебе говорю об измене, а ты о каком-то привороте сомневаешься!

– Ох, Верочка, я уже и не знаю, во что верить, – пригорюнилась Нина, положив кошелек в сумку поверх душистого хлеба. – Вроде тихая она была, слова поперёк не скажет, а потом как чёрт из табакерки – раз! И выскочила сущность бесовская. Смотрит исподлобья, вся какая-то себе на уме. Корову подоит, придёт в дом и молча цедит в банку. Ужин готовит и молчит, молчит. Мне иногда боязно с ней говорить. Федя тоже другим стал. Задумчивый. Грустный, что ли... Ох, Верочка, испортила эта девка моего Феденьки жизнь.

– Послухай, а у Игорька-то как? – поинтересовалась Вера, положив мощную грудь на прилавок. – Ему-то в любви повезло?

– Ой, – разочарованно махнув рукой, Нина взяла сумку и собралась уходить. – К той на пушечный выстрел не подходи. Сожрёт и не подавится.

– Ну и не невестки у тебя-а, – покачала головой Вера, отодвинула подальше счёты и выпрямилась спину. – А внучка-то как? Ты говорила, что она ближе к матери, чем к тебе! – крикнула напоследок уходящей покупательнице.

– С моей помощью научится различать плохое от хорошего! – ответила Нина, переступив порог магазина.

Глава 6

Месяц прошёл после последнего скандала между Анфисой и Фёдором. В доме стало спокойно, но напряжённо. Анфиса всё так же молчалива, загружена домашними заботами, работой, Фёдор стал более нервным, но криков не поднимает, скалится, как голодный волк, если что не по нутру – может ложку на пол бросить или пнуть ногой стул, ботинок и уйти из дома, чтобы в тишине посидеть на крыльце, покурить, подумать, успокоиться. Наташа тоже немного изменилась: её замкнутость и истерические срывы случаются через день, когда она вспоминает Володю, ушедшего топтать сапоги, а дома его ждёт беременная жена, бросившая учёбу в городе и обосновавшаяся в деревне.

– Опять ты слёзы льёшь, девочка моя, – Нина, не дозвавшись внучку, вошла в комнату и обнаружила её лежащей лицом в подушку и еле слышно завывающей. – Да что ж ты будешь делать? Хоть бы мне рассказала, что у тебя случилось? Не могу смотреть, как ты днями лежишь вот тут, – провела рукой по смятому покрывалу, – и рыдаешь, как жена декабриста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.